955

Последние дни Помпеи

ТЕЛЬСТВО

OPK

343147

6.95
9(С)47
Б 95

П. М. БЫКОВ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РОМАНОВЫХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
А. ТАНЯЕВА

343147
Спец. хранение
Ур. Г.У. инв. № 6302
УРАЛЬСКИЕ ОБЛАСТНЫЕ КУРСЫ
БИБЛИОТЕКА
Шифр
Инвент. № 3137
Научная библиотека
Уральского
Госуниверситета
г. Свердловск
Топографический каталог
3692

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛКНИГА
СВЕРДЛОВСК—1926

...лобиздат 301. Тираж 15.000

...вск, тип. «Гранит» Акц. О-ва Уралкнига. Зак. № 2486.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

В конце прошлого столетия один видный либеральный деятель, говоря о реакционной политике правящих кругов, случайно обронил весьма верную мысль, что «если им удается на время задержать отходящее и даже смердящее, то тем самым они вынуждают людей (революционеров—*А. Т.*) к насильственному освежению воздуха»*). Это было написано под свежим впечатлением только что совершенного террористического убийства Александра II и начавшихся при его преемнике контр-реформ, отменявших то малое, что было сделано до него. Конечно, упомянутый либеральный деятель был далек от «еретической» мысли подводить под «отходящее и смердящее» строй самодержавия в целом и тем более его главу. Этими словами им характеризовались лишь отдельные полукрепостнические учреждения и порядки, не ликвидированные, так называемыми, «великими реформами», и не более. Но на то он был и либерал и крупный помещик, чтобы не видеть, что и самая головка самодержавия вот уже более двухсот лет смердит, требуя, как деликатно выражался он, «насильственного освежения воздуха».

Через какие-либо двадцать лет после того, как писал Кошелев, головка самодержавия в лице последних Романовых настолько основательно засмердела, что издаваемый ею запах стал явственно ощущаться и ближними. Половцев, видный деятель самодержавия, имевший возможность близко наблюдать все, что делалось в придворных

*) А. Кошелев—«Что же теперь?» Берлин, 1882.

кругах, в своем дневнике за 1901 год писал:... «Страшно сказать, но под впечатлением напечатанной на днях Шильдером книги начинает чувствоваться что-то похожее на павловское время» *). Автор дневника упоминает здесь об известном историко-биографическом исследовании Шильдера о Павле I, в котором устанавливается с несомненностью психическая ненормальность этого отпрыска Романовых, большинство мероприятий которого было плодом расстроенной фантазии душевнобольного человека. Нужно сказать, что в своем мнении Половцев не был одинок. Другой видный деятель самодержавия начала 900-х годов, ген. Куропаткин в одном месте своего дневника отмечал, что у Николая «явилось желание подражать Павлу», и тут же без всяких комментариев, повторяя отзыв генерала Гродекова о «петербургских порядках»,—утверждал, что «Николай II превзошел Павла»**). Трудно сказать, кто из этих двух выродков династии Романовых действительно превзошел другого, но что один другого стоил—это несомненно.

У них было много черт сходства в характере. Прежде всего, оба они были до нельзя умственно ограниченными людьми. Николай, например,—что очень показательно,—не переносил слова «интеллигент», открыто заявляя, что оно ему «противно», при чем однажды даже высказал мысль, что не мешало бы «приказать Академии Наук вычеркнуть это слово из русского словаря». Это и понятно: не получив при своем отце никакого законченного образования, Николай, по словам Витте, «обладал средним образованием гвардейского полковника». Но и эта низкая оценка образования Николая, повидимому, несколько преувеличена. Во всяком случае, задачи, которые ставились перед Россией, выходили за пределы досягаемости его понимания.

---

*) Дневник Половцева. «Красный Архив», т. III, стр. 99.

**) Дневник А. Н. Куропаткина. «Красный архив», т. VII стр. 86.

Однако, это не мешало Николаю, при всей его умственной ограниченности и слабости, проявлять удивительное упрямство в раз создавшемся у него мнении по тому или иному вопросу. Безнадежным делом было разубеждать или переубеждать его. В этих случаях он даже не думал доказывать свою правоту,—он, как говорила одна придворная дама Палеологу, «умел лишь замыкаться в инертном покорном упрямстве».

В эти моменты, по наблюдениям близких лиц, Николай являл собою, несомненно, человека ненормального, с явно выраженной пониженной чувствительностью и сознательностью. Весьма верную и яркую характеристику Николая дает М. Покровский. «У Николая,—говорит он,—задерживающие центры совершенно не работали. Как блажной ребенок, Николай II требовал—«вынь да положь», чего ему захотелось. Другим предоставлялось вырабатывать планы на основе капризов этого—довольно таки великовозрастного—дитяти. Кто не умел «потрафить в точку», прогонялся, как неспособный. Кто осмеливался обуздывать капризы, становился предметом лютой ненависти»*). Здесь полная аналогия с психопатологической основой характера Павла I; различие лишь в формах проявления.

Упомянутый нами выше Половцев приводит в дневнике два случая из интимной жизни Николая, которыми сразу вводит нас в обстановку, действительно мало чем отличающуюся от того, что можно было наблюдать в апартаментах полоумного Павла.

«Государь,—пишет он,—всецело под влиянием и обаянием, вызванного из Лиона, именующего себя оккультистом, некоего Филиппа. Этот проходимец... начал вызывать ему духов и, прежде всего, тень его отца А(лександра) III, который диктует своему сыну приказания относительно того, как следует управлять нашим бедным

*) М. Покровский—Предисловие к переписке Романовых, т. III, пр. 5.

отечеством... Руководствуясь исключительно сообщениями, назиданиями этого авантюриста, государь ни с кем больше ни о чем не советуется, дает только приказания, им импровизированные, без предварительного обсуждения и согласования с обстоятельствами, с потребностями, с целями, сколько-нибудь обдуманными»*).

Кроме вызывания духов, Филипп занимался также и «деторождением» путем гипноза. А в этой области об'ектом его экспериментов была жена Николая, Александра Федоровна.

«Не говоря о всяких других его (Филиппа—*А. Т.*) проделках,—пишет тот же Половцев,—мы обязаны ему постыдным приключением императрицыных лжеродов»...

«Путем гипнотизирования Филипп уверил ее, что она беременна. Поддаваясь таким уверениям, она отказалась от свидания со своими врачами, а в середине августа призвала лейб-акушера Отто лишь для того, чтобы посоветоваться о том, что она внезапно стала худеть. Отто тотчас заявил ей, что она ничуть не беременна. Об'явление об этом было сделано в «Правительственном Вестнике» весьма бестолково, так что во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как, например, что императрица родила урода с рогами, которого пришлось придушить, и т. п... «Лейб акушер Отто был отстранен от наблюдения за здоровьем императрицы во время мнимой ее беременности, уступил место Филиппу, доведшему дело до постыдной во всех отношениях развязки»**).

Как видим, обстановка действительно мало чем отличалась от «павловской». Отличие между ними было чисто внешнее и не большее, чем, например, между камерой буйно и тихо психически расстроенных людей. Павел в исступлении до слез щипал ненавистного ему

*) Дневник А. А. Половцева. «Красный Архив», т. III, стр. 152.

**) Дневник А. А. Половцева. «Красный архив», том III, стр. 156—158.

человека и т. д., здесь же пытались путем гипноза рожать детей и управляли страной с помощью вызываемых духов и тенями умерших предков.

Приведенные нами эпизоды из жизни последних Романовых можно было еще поставить под сомнение со стороны правдоподобности или точности передачи, если бы в настоящее время не были опубликованы дневник Николая II и особенно его переписка с женой. Последние не оставляют на этот счет уже больше никаких сомнений, т. к. с еще большей полнотой и яркостью рисуют тот бедлам (сумасшедший дом), который царил в семье последнего императора. При чем сам Николай II, как это можно видеть из приведенного выше случая с императрицыными лжеродами, не был единственным действующим лицом в этом бедламе. Первая роль в нем несомненно принадлежала Александре Федоровне, по сравнению с которой даже Николай казался совсем нормальным человеком. При чтении ее писем к Николаю, со страниц которых буквально несет запахом клиники, перед вами встает жуткая фигура помешанной, с судорожно искривленными губами и застывшим стеклянным взглядом. В придворных кругах о ней иначе и не говорили, как о сумасшедшей, правда, вполголоса и с оглядкой. Александра Федоровна, действительно, если не сумасшедшая, то во всяком случае стоящая одной ногой в сумасшедшем доме.

Ее психическая ненормальность прежде всего принимала форму религиозного помешательства и истерии, доходящей до грубого идолопоклонства и фетишизма. Эта черта в психологии Александры Федоровны является одной из наиболее характерных и любопытных.

Вот одно из характерных мест. «Наш первый друг,— писала она Николаю, — дал мне икону с колокольчиком, который предостерегает меня от злых людей и препятствует им приближаться ко мне. Я это чувствую и, таким образом, могу и тебя оберегать от них... Это не по моей воле, а бог желает, чтобы твоя

бедная жена была твоей помощницей. Гр. всегда это говорил,—m-r Ph. тоже...Теперь я убедилась, что эта икона и наш друг помогли мне узнавать людей. Колокольчик бы зазвенел, если бы они подошли с дурными намерениями; он помешал бы и им подойти ко мне; всем этим Орловым, Джунковским, Дрентельнам, которые имеют этот «странный стрэх» передо мною»... *)

Чем не орудие гадания ново-зеландского колдуна вешающего над медной чашей на нитке браслет и судящего, по удару последнего о чашу, о расположении или враждебном отношении к своему пациенту родственника или соседа!

Последняя царица далеко опередила колдуна первобытного народа по разнообразию ассортимента предметов, служивших для колдования. В этом направлении ее письма дают целый букет—глаза разбегаются. Здесь и иконы (к которым она питала особое пристрастие), и пояски с молитвой отца Серафима, предохраняющие носящих их от ранения и смерти на фронте, и палка, которую трогал m-r Philipp, и гребешок, которым нужно расчесывать волосы при разрешении трудных вопросов, и колдование жестами, словами и т. п.

Посылая эти наколдованные предметы с подробным описанием способа их употребления, она хорошо знала своего адресата. Николай был не меньше ее проникнут этой узкой, суеверной религиозностью.

Так, в одном из своих писем Александра Федоровна, сообщая о посещении, во время своего пребывания в Новгороде, какой-то столетней старицы, ходившей в веригах, писала Николаю: «Тебе она посылает яблоко (пожалуйста, с'ешь его)». Через три дня после этого она озабоченно спрашивала в письме, исполнил ли он ее просьбу. В ответ Николай успокаивающе писал: «Мы (т. е. с сыном Алексеем—*А. Т.*) с'ели яблоко старицы, и оба нашли

*) «Переписка Романовых», т. III, стр. 220.

...о превосходным» *). Ясно, что яблоко старицы фигурировало здесь не как лакомство или десерт, в чем, понятно, у Николая и его сына недостатка не было, а как некоторого рода наколдованный, святой предмет. В другом месте Николай сообщал жене: «...Скажи ей (Вырубовой — А. Г.), что я видел ее брошь приколотую к иконе, и касался ее носом, когда прикладывался» **).

Нам неизвестно, какое действие приписывали этому символическому прикосновению носа к брошке, но что этому сообщению Николай придавал какое-то важное колдовское значение, можно судить уже по одному тому, что оно писалось 11 марта 1917 г., когда Петроград был охвачен революцией, и Николай в том же письме сообщал жене о принятых мерах по подавлению беспорядков.

Как видим, мышление супружеской четы Романовых мало чем отличалось от представлений об окружающем мире первобытного человека где-нибудь в Центральной Африке, отдаленной от всего мира.

Неудивительно поэтому, что и в области политической они являли собой редкий пример примитивности мышления. Александра Федоровна и в этом, кажется, превзошла своего мужа.

Будучи более темпераментной, чем Николай, она подчиняла его своему влиянию и в этой области. Ее религиозное помешательство и истерия густо окрашивали в соответствующий цвет ее политическое мышление. Сновидения, гаданья и нечленораздельные выкрики разного рода кликуш, юродивых и старцев играли для нее при решении политических вопросов не меньшую роль и значение, чем в житейских, семейных вопросах. У нее на этот счет была даже целая, правда, не мудреная философия: «В «Les Amis de Dieux», — писала она Николаю, — один из божьих старцев говорит, что страна, где божий

---

*) «Семейная переписка Романовых», «Красный Архив», т. IV, стр. 180, 190, 199.

**) Там же, стр. 212

человек помогает повелителю, никогда не погибает. Это верно, только нужно слушаться, доверять и спрашивать его совета—не думать, что он чего нибудь не знает. Бог все ему открывает... И когда он благословляет какое-нибудь начинание—оно удается, и если он рекомендует людей, то можно быть уверенным, что они хорошие люди... Он меньше ошибается в людях, нежели мы, у него жизненный опыт, благословленный богом» *).

Это является своего рода литературным обоснованием той роли и того значения, которое приобрел Распутин, как универсальный консультант Романовых во всех наиболее важных политических вопросах.

«Должна тебе передать,—пишет она в одном из писем Николаю,—следующую просьбу от нашего Друга, внушенную ему почным видением. Он просит тебя *приказать*, чтобы начали наступать возле Риги. Он говорит, что это необходимо» и т. д. И такого рода видениями и предсказаниями Распутина заполнены почти все письма Александры Федоровны. Все, что им предлагалось, как правило, по настоянию Александры Федоровны, проводилось в жизнь. Этот необразованный мужик, не умевший грамотно писать, несомненно имел более реальное чутье в политических вопросах и лучше разбирался в окружающем, чем Романовы.

Последние проявляли не меньше реального чутья, чем их старец, лишь в тех случаях, когда политические вопросы непосредственно затрагивали их собственные интересы, интересы семьи. С этой стороны, они также ни в малейшей мере не были государственными людьми—интересы личного благополучия и безопасности неизменно брали верх над общим делом.

События Февральской революции в этом отношении ничего не изменили. Полное непонимание совершающих

*) «Семейная переписка Романовых». «Красный Архив», т. VI, стр. 163.

ия вокруг событий, забота о личных интересах—характерны для Романовых и за все время их пребывания под «арестом» в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге.

Остальные члены династии Романовых и, прежде всего, великие князья стоили своего главы: они также носили явные следы умственного и психического вырождения. В одном месте своего дневника Куропаткин приводит убийственно верное утверждение какой-то придворной дамы, что «они принадлежат к вырождающейся расе». В лице единственного сына Алексея мы имеем черты вырождения Романовых чисто физиологического порядка. Он, как известно, был болен гемофилией, болезнью, при которой кровь больного при кровотечении не свертывается (не запекается), и малейший порез или ушиб вызывает кровотечение наружное и внутреннее, угрожающее больному смертью. Такое свойство крови в медицине считается одним из характерных симптомов вырождения.

Все приведенное нами еще неполно характеризует последних Романовых и в первую очередь Николая II.

Царствование последнего из русских царей было не только чудовищной смесью неудач, морального разложения, умственного ограничения, форменного сумасшествия, но и удивительной жестокости и зверства.

В борьбе с рабочим и революционным движением, как ни в какой другой области, Николай последовательно выдерживал свой характер. Здесь не было места ни сентиментальности, ни мягкости, о которой так много пишут мемуаристы. Напротив, перед нами встает голубоглазый дегенерат, трусливый до смешного и злобный до жестокости. Буквально кошмаром веет от его лаконических, залихватски-веселых резолюций на докладах о расстрелах, еврейских погромах: «Ай да, молодец!» «Неужели не повешены?» и т. д.

В поощрении правительственного террора Николай проявил необычайный размах. Кажется, ни в какой другой отрасли государственного управления им не было

проявлено столько кипучей энергии, принципиальной выдержанности, как именно в этой области.

По приблизительным сведениям, только за 1906—9 годы приговорено было к повешению 6.268 человек, из них «по указу Его Величества», военно-окружными судами было вынесено 3.339 смертных приговоров. В течение 1908 г. не прошло ни одной недели менее чем без 7-ми казней, а в некоторые недели казни достигали цифры 36. Общее число казненных в 1908 г. в России превышало число казненных в 22 государствах и колониях Европы, Азии, Африки, Австралии и Америки и было в 21 раз больше числа казненных во всех государствах Европы.

Как-то разбирая рассуждение кадетов о возможности в России конституционной монархии английского типа, Ленин справедливо заметил: «Если в такой культурной стране, как Англия, не знавшей никогда ни монгольского ига, ни гнета бюрократии, ни разгула военщины, если в такой стране понадобилось отрубить голову одному коронованному разбойнику *), чтобы обучить королей быть «конституционными» монархами, то в России надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых, чтобы отучить их преемников от организации черносотенных убийств и еврейских погромов» **).

Как известно, русской буржуазии так и не довелось взять на себя заботу «обучить» Романовых быть «конституционными» монархами, так как, после неудачной попытки в февральские дни отстоять монархический строй, очень скоро наступила Октябрьская революция, исключившая возможность обучения такого рода. Конечно, нечего и говорить, что если бы русской буржуазии все же представилась эта возможность, то у нее «не хватило бы духу» «обучить» Романовых даже не менее радикально, чем английскому ренегату. После Октябрьской революции перед рабочим классом встала совершенно иная задача.

*) Т. е. английскому королю Карлу I в 1649 г. *Ред.*

**) В. Ленин—Собрание сочинений т. XI, часть 2, стр. 429.

не «обучить» чему-либо Романовых, а «отучить» их раз навсегда от попыток снова вернуть себе власть.

Эта задача была выполнена Советской властью со свойственной ей смелостью—принимать все меры для спасения революции, как бы с внешней стороны произвольны, беззаконны и суровы они ни казались.

В многочисленной эмигрантской литературе расстрел Романовых, как и нужно было ожидать, рисуется в виде бессмысленной жестокости убийц большевиков, опьяненных от крови. При этом сами Романовы изображаются не иначе, как «святым семейством», принявшим «мученический венец». Попытка создать монархическую легенду—явно маргариновая!

Расстрел Романовых меньше всего был продиктован чувством мести или мифической кровожадностью большевиков. Эта мера была глубоко целесообразным действием в условиях ожесточенной гражданской войны, когда возможность монархической реставрации была вполне реальной опасностью.

Правда, в воспоминаниях и документах, относящихся к последним дням Романовых, трудно найти что-нибудь говорящее о какой-либо попытке Николая и его жены осмыслить совершившиеся события, подвести им итог, выдвинуть какую-то новую программу, чтобы об'единить какие-то общественные слои для активной борьбы за возвращение власти. Но это нисколько не исключало того, что Романовых ни на один момент не покидала надежда снова вернуть потерянное прошлое. Они глубоко были убеждены, что рано или поздно «заблудшиеся верноподданные» придут к ним и, как в старорусской легенде о призвании варягов на Русь, скажут: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет—владейте нами и княжьте». Не случайно, что, когда Романовым было предложено выехать из Тобольска, среди них возникло фантастическое предположение, будто большевики хотят увезти Николая в Москву, т. к. без него они не могут подписать Брест-Литовского

мира. Александра Федоровна соответствующим образом даже мотивировала это предположение: «Император им (т. е. большевикам—*А. Т.*) необходим: они понимают, что он один представляет Россию...» *)

Но если отбросить это фантастическое предположение, то все же кое-какие, правда, очень незначительные, шансы у Романовых имелись на возвращение прошлого. За время их пребывания под арестом, монархистами делались неоднократные попытки к их освобождению. Конечно, еще вопрос, сделала ли бы буржуазия, в случае благоприятного исхода этих попыток, Николая своим знаменем для восстановления монархии: слишком уж одиозной фигурой был он, чтобы буржуазия без колебания могла решиться на такой шаг. Но история знает не мало примеров, когда эта сторона дела не была существенным препятствием к возвращению на престол главы свергнутой династии. И большевики были бы очень наивными политиками, если бы не дооценили и не приняли всех мер к устранению этой возможности.

Расстрел Романовых имел и другую, не менее важную, сторону: он давал весьма внушительное предостережение для всякого рода претендентов на российский престол, на которых был такой большой урожай в годы гражданской войны. Но что больше всего возмущало эмигрантских литераторов, так это способ и порядок расстрела. «Помазанник божий»—и вдруг просто, как обычный бандит с большой дороги, расстрелян в подвале чека без всякого суда и следствия. Им, конечно, не понять того, что в отношении Романовых для большевиков суд ни в какой мере не имел значения органа, выясняющего истинную виновность этой «святой семейки». Если суд и имел какой-либо смысл, то лишь как весьма хорошее агитационное средство для политического просвещения масс и не больше. С этой целью Советской властью даже предполагалось организовать в

*) Жильяр—стр. 64.

Екатеринбурге нечто в роде показательного суда над Романовыми с участием в качестве обвинителя Л. Троцкого. Но от этого предположения, как ни заманчиво оно было, пришлось отказаться. В это время вся Россия была об'ята гражданской войной: в Москве вспыхнул мятеж левых эсэров, в Ярославле—белогвардейское восстание, на Волге назрело выступление чехо-словаков, а на Урале наступали армии Колчака.

В этих условиях, понятно, Советской власти было не до Романовых: пришлось «ликвидировать» их в чрезвычайном порядке. Советская власть в этом случае проявила крайний демократизм: она не сделала исключения для всероссийского убийцы и расстреляла его наравне с обыкновенным бандитом.

Весьма знаменательно, что Романовы нашли свою могилу на Урале. 200 слишком лет тому назад предки Романовых, и в первую очередь Петр I, с большой энергией насаждали на Урале первую в России крупную промышленность. Крупная промышленность вызвала к жизни уральский пролетариат, потомки которого похоронили последних Романовых в шахтах Урала. Так закончилась историческая карьера дома Романовых.

В заключение несколько слов о книге П. Быкова. Книга не претендует быть исследованием личной психологии Романовых в после-мартовский период. Этот вопрос требует специальной разработки историков-психиатров и является самостоятельной интересной проблемой. Автор задался менее сложной задачей. Он с добросовестностью хрониста изложил, по своим личным воспоминаниям и воспоминаниям и документам других, историю жизни Николая II и его семьи от царскосельского заключения до казни. С этой целью им использовано было, кажется, все, что вышло по этому вопросу за границей и в России. В результате удалось собрать много фактов, мелких бытовых штрихов, дающих довольно обширный материал о последних днях последнего царя. При этом автор не ограничивается в своей ра-

боте узкой сферой личной семейной жизни Романовых, а связывает ее с той общественной борьбой в стране, которая и предопределила участь Романовых.

Наибольший интерес у читателя должна возбудить часть книги, описывающая «уральский период», т. е. перевоз Романовых на Урал и их казнь. В разбеге революции эти события незаметно прошли для широких масс рабочих и крестьян. Кроме самого факта расстрела, они мало, почти ничего не знают об этом. Это и понятно.— слишком мал и незначителен был факт казни Романовых, по сравнению с событиями Октябрьской революции, впоследствии гражданской войны, в которые они с головой были втянуты.

«Уральский период», по понятным причинам, до сих пор привлекал внимание лишь эмигрантских литераторов. Но все написанное ими по большей части является догадками, а то и просто вымыслом. Автор книги был в то время активный работник Уральского Областного и Екатеринбургского Совета и потому находился в курсе всех перипетий с перевозом Романовых из Тобольска в Екатеринбург, а впоследствии подготовки и выполнения над ними казни. И его книга кладет конец всяким легендам и сказкам, нагроможденным досужими эмигрантскими литераторами, о последних днях Романовых.

Уже по одному этому книга не лишена интереса

24/3147

ГЛАВА I.

Накануне переворота.

Перед опасностью потерять власть династия Романовых в первый раз встала в 1905 году. Тогда царскому правительству, при активной поддержке французской биржи, удалось подавить революцию и спасти династию. И вся власть попрежнему осталась в руках царизма. Но с тех пор положение сильно изменилось.

Русская буржуазия, которая уже давно правила страной экономически, после революции 1905 г. стала приобретать все большее влияние и в области политической. Этому в значительной мере способствовала третьеиюньская конституция, которая довольно широко раскрыла перед буржуазией двери к политической деятельности. Все буржуазные партии—партия к-д., октябристов и др.—были фактически легализованы, и их пресса пользовалась большой свободой. Имея такую значительную свободу, буржуазия быстро забрала в свои руки местное самоуправление, с'езды разных видов, Думу и др. общественные организации, делая их опорными пунктами все возраставшего своего политического влияния. Наряду с этим происходило сближение ее с царизмом, который все больше приспособлялся к обслуживанию нужд капиталистического развития страны. В известной мере можно сказать, происходило обуржуазивание царизма. К 1914 г. русская буржуазия, несомненно, уже частично являлась носителем политической власти в России, и своей позицией нередко определяла политику царского правительства.

Империалистическая война в первый момент еще теснее спаяла русскую буржуазию с царизмом, установив между ними полное единение и согласие. Но через 3—4 м-ца после начала войны это единство было поколеблено. Самодержавие оказалось несостоятельным перед лицом тех огромных задач, которые ставились войной. Русские войска терпели одно поражение за другим, вследствие отсутствия в армии достаточного количества ружей, патронов и снарядов. В тылу положение складывалось не лучше. Здесь уже начало ощущаться одно из самых тяжелых последствий войны—хозяйственная разруха, вызываемая в значительной мере неумением правительства справиться с затруднениями военного времени. Все это ставило под большое сомнение возможность победы России и толкало российскую буржуазию на путь оппозиции царскому правительству.

Заинтересованная в успешном ходе войны, буржуазия еще в самом начале ее превратила находившиеся в ее руках общественные организации (Всерос. Зем. Союз, Всерос. Союз Городов и др.) в вспомогательные органы при государственных военных и гражданских учреждениях. Эти организации были более подвижны, чем правительственные, и вскоре приобрели большое значение в деле обслуживания нужд войны. Правительство вынуждено было считаться с их работой и предоставлять им довольно широкие права. Но этого, по мнению буржуазии, было недостаточно для того, чтобы изменить положение. И она настойчиво требовала предоставления ей еще больших прав в вопросах руководства и организации войны.

Отступление русских войск из Галиции во второй половине апреля 1915 г. заставило правительство пойти на уступки. Летом того же года в Петрограде было образовано Особое Совещание по государственной обороне с участием представителей заводчиков и фабрикантов, членов Государственной Думы и т. д. С этого времени буржуазия фактически забрала в свои руки военную

экономику. Но она добивалась большего. Ее представителями в Думе от имени, так называемого, прогрессивного блока, об'единявшего думское большинство, было выдвинуто требование создания «ответственного министерства».

Таким образом, буржуазия хотела не только держать в своих руках военную экономику путем Особого Совещания, но и добиться взятия в свои руки политического руководства страной. Последнее приобретало в ее глазах тем большую настоятельность и значение, что в придворных кругах начало усиливаться германофильское направление, стремившееся к сближению с Германией и к заключению с нею сепаратного мира.

Слухи о ведущихся за кулисами переговорах беспокоили патриотически настроенную буржуазию не меньше, чем неудачи на фронте, неурядицы и бесхозяйственность в тылу. Тем не менее Дума не решалась встать на путь активной борьбы с царским правительством, т. к. боялась этим вызвать движение масс, которое, в ее глазах, было более опасным, чем сохранение самодержавия. Поэтому ее оппозиционность была чрезвычайно умеренной и носила преимущественно словесный характер.

Провести в жизнь требование ответственного министерства мирным путем буржуазии не удалось. Придворная камарилья, во главе с Распутиным, крепко держала власть в своих руках и не допускала каких-либо новых уступок. Безвольный и умственно ограниченный Николай II находился всецело под ее влиянием, будучи простою пешкой в руках своей жены, которая, в свою очередь, как известно, находилась под исключительным влиянием Распутина. В России фактически установилось самодержавие Распутина. О его всесилии можно судить хотя бы по тому факту, что за последние 2—3 года до свержения самодержавия не было, кажется, ни одной смены министров, которая произведена была бы без его ведома и согласия. Этот захват власти Распутиным сопровождался невиданным разложением аппарата самодержавия,

сделав его ареной похождений всяческих авантюристов и шантажистов. Даже такой оголтелый монархист, как Пуришкевич, и тот должен был признаться, что «правительство наше—все сплошь калейдоскоп бездарности, эгоизма, погони за карьеризмом, лиц, помнящих только о своих интересах, живущих одним лишь сегодняшним днем» *).

В обстановке растущей хозяйственной разрухи и не прекращающихся неудач и поражений русской армии, хозяйничание придворной камарильи во главе с Распутиным усиливало недовольство правительством во всех общественных слоях населения. Этим пользовалась буржуазия, концентрируя через думскую трибуну внимание масс на разоблачении деятельности, так наз., «темных сил».

Осенью 1916 года недовольство достигло больших размеров. Даже среди верноподданного дворянства политика царского правительства уже не встречала прежней безоговорочной поддержки. Съезд представителей дворянства, состоявшийся 28 ноября, присоединился к умеренным требованиям прогрессивного блока.

За дворянством последовали и родственники царя—великие князья, умолявшие последнего принять меры к спасению династии от неминуемой гибели. Великий кн. Александр Михайлович с тревогой писал Николаю II-му: «Мы переживаем самый опасный момент в истории России... Какие-то силы внутри России ведут тебя и, следовательно, и Россию, к неминуемой гибели» **). Вслед за ним предостерегающее письмо пишет другой родственник Николая, в. к. Николай Михайлович, указывая в своем письме, что царь «находится накануне эры новых волнений»; он уверял Николая, что «если бы удалось устранить постоянное вторгательство во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России, и верну-

*) «Убийство Распутина—из дневника В. Пуришкевича», стр. 5.

**) «Николай II и великие князья—родственные письма к последнему царю». Госиздат., 1925 г., стр. 117—118.

лось бы утраченное доверие громадного большинства подданных*). Еще дальше пошел в. к. Георгий Михайлович, намекая Николаю на необходимость, в интересах династии, образовать, правда на весьма своеобразный лад, «ответственное министерство».

Однако, Николай был глух ко всем этим мольбам и советам и не соглашался на умаление своей самодержавной власти, а его жена—так та просто не хотела слышать об этом. «Глупец тот, кто хочет ответственного министерства»**), писала она Николаю относительно указания в. к. Георгия Михайловича. По поводу же письма в. к. Николая Михайловича, который набрался смелости заикнуться об опасности влияния «темных сил» и в частности ее, Александры Федоровны,—последняя писала мужу: «Пожалуйста, прикажи Николаю Михайловичу уехать—он опасный элемент здесь, в городе». И в результате этот в. к. был выслан из Петрограда в свое имение.

Неизменно наталкиваясь на такое сопротивление со стороны Николая, эта часть правящих верхов стала искать других путей спасения себя и династии. В их глазах, главным виновником наблюдавшегося развала в стране и влияния «темных сил» на царя был Распутин. Только устранение последнего, по их мнению, могло спасти династию. Поэтому среди них возникает мысль об убийстве Распутина. В. кн. Дмитрий Павлович совместно с князем Юсуповым и известным монархистом Пуришкевичем решаются пойти на этот «героический» шаг. Они предполагали к выполнению своего плана привлечь В. Маклакова, одного из видных кадетских лидеров, рассчитывая придать задуманному делу более широкий общественный характер. Но Маклаков, не возражая принципиально против «благого» начинания, струсил и, под предлогом срочного выезда в Москву, отказался от непосредственного участия в этом деле. По словам Пуришкевича,

*) Там же, стр. 146—7.
**) Там же, стр. 20.

Маклаков ему заявил, что едва ли он может быть полезен, как активный деятель, в самой ликвидации Распутина, но что после таковой, если что-либо у нас выйдет не гладко, и мы попадемся, он не только готов помочь нам юридическим советом, но и охотно выступит нашим защитником на суде, если дело дойдет до такового. «Но вот о чем я вас горячо прошу,—с живостью добавил Маклаков:—если дело удастся, не откажите немедленно послать мне срочную телеграмму, хотя бы такого содержания: «когда приезжаете». Я пойму, что Распутина уже не существует и что Россия может вздохнуть свободно» *).

Таким образом, ожидание спасения самодержавия ценою убийства Распутина разделялось и руководящей партией буржуазной оппозиции, которая неофициально была втянута в это террористическое предприятие.

17 декабря 1916 г. Распутин был убит в доме князя Юсупова, куда он был приглашен на специально организованную для покушения вечеринку. Но спасения царизма, конечно, не последовало.

Происходившие вслед за этим смены министров показывали твердое намерение царского правительства вести прежнюю политику, не считаясь ни с буржуазной оппозицией, в лице прогрессивного блока, ни с оппозиционным настроением в своей собственной среде.

Под влиянием этого среди представителей буржуазии, а также в некоторых военных кругах, вначале тайно, а потом все более открыто, начала обсуждаться мысль о разрешении вопроса о власти путем дворцового переворота. «Мысль эта,—по свидетельству Курлова,—встретила сочувствие и среди некоторых членов царствующего дома»**).

Как ни пугала буржуазию возможность массового движения в результате этого переворота, она все же

*) «Убийство Распутина—из дневника В. Пуришкевича», стр. 26.

**) «Конец русского царизма»—воспоминания ген. П. Г. Курлова. Госиздат, 1924 г., стр. 280.

принуждена была решиться на него, т. к. переворот становился для нее единственной предпосылкой победы в войне. П. Милюков в своей «Истории второй русской революции» сообщает о существовании двух кружков, которые обсуждали подробности предстоявшего переворота. Во главе одного из этих кружков, состоявшего, повидимому, из военных, стоял известный генерал Крымов. В другой входили «некоторые члены бюро прогрессивного блока с участием некоторых земских и городских деятелей». Этот кружок, по словам Милюкова, «обсуждал вопрос о том, какую роль должна сыграть после переворота Государственная Дума. Обсудив различные возможности, этот кружок также остановился на регентстве великого князя Михаила Александровича, как на лучшем способе осуществить в России конституционную монархию. Значительная часть членов первого состава Временного Правительства участвовала в совещаниях этого кружка» *).

Такова была в общих чертах политическая программа участников готовившегося переворота. О том, какие меры готовы были принять заговорщики для успешного выполнения своей цели, рассказывает в своих воспоминаниях генерал Деникин. Предполагалось, что в одну из поездок Николая в Ставку на царский поезд должен был напасть ген. Крымов со своим отрядом и предложить ему отречься от престола, а в случае упорства со стороны Николая, «физически его устранить». Осуществление этого плана намечалось на февраль м-ц 1917 года.

В то время, как велась подготовка дворцового переворота, о котором было известно довольно широким кругам, царское правительство, не зная в деталях планов своих противников, готовило контр-удар. О нем рассказывает генерал Курлов, по словам которого, контр-удар сводился к роспуску Государственной Думы, а чтобы предупредить движение масс, предполагалось опубликовать

*) П. Н. Милюков —«История второй русскойреволюции», том I, вып. 1, София, 1922 г., стр 36.

«закон о наделении крестьян землей... уравнятьвсе население в гражданских правах и... издать закон о равноправии всех национальностей» *).

Что такой план действительно существовал, можно отчасти видеть из показаний министра внутренних дел Протопопова Чрезвычайной Следственной Комиссии Врем Правительства, организованной после Февральского переворота для расследования противозаконных действий деятелей старого режима. Повидимому, с указанными мероприятиями царское правительство связывало заключение сепаратного мира с Германией, о чем Курлов и Прогопопов, по понятным причинам, не говорят.

Но ни контр-удара, ни дворцового переворота не удалось провести, т. к. в феврале 1917 года в борьбу за власть вмешалась третья сила—рабочий класс,—которая помешала осуществлению обоих планов. А дальнейшие события складывались уже не так, как того хотела буржуазия и как предполагало царское правительство.

---

*) «Конец русского царизма» — воспоминания ген. П. Г Курлова. Госиздат., 1923 г., стр. 284—5.

ГЛАВА II.

Свержение самодержавия.

В то время, как буржуазия готовилась к дворцовому перевороту во имя продолжения войны «до полной победы», рабочие и солдатские массы, чувствуя на себе всю тяжесть последствий войны, также поднимались для борьбы с самодержавием. Но их требования шли гораздо дальше умеренных «реформ», выдвинутых в программе прогрессивного блока. Буржуазия не без основания видела в этом признак скорого наступления революции, с которой у ней связывалась мысль о поражении в войне и гибели своей и династии. Поэтому ее не менее, чем царское правительство, пугало нарастающее с каждым днем революционное брожение в рабочей среде и в армии. Видный монархист В. Шульгин приводит об этом следующий весьма не безынтересный разговор с кадетом Шингаревым.

«Положение ухудшается с каждым днем», — с тревогой говорил ему Шингарев в начале января 1917 года, — «мы идем к пропасти... Революция — это гибель, а мы идем к революции... С железными дорогами опять катастрофически плохо... В Петрограде уже серьезные заминки с продовольствием... Надо дотянуть до весны... Но я боюсь, что не дотянем».

«Надо дотянуть»,—отвечал Шульгин. — «Но как? Если даже наша безумная власть пойдет на уступки, если даже будет составлено правительство из этих самых людей доверия («ответственное министерство»—*П.Б.*),

то это не удовлетворит. Настроение уже перешагнуло через нашу голову, оно уже левее прогрессивного блока, страна уже слушает тех, кто левее, а не нас... Поздно» *).

Видя нарастание революции, буржуазия принимала все меры к возможному ее предупреждению. С одной стороны, она обращалась к рабочим с призывом к спокойствию, с другой, —умоляла правительство пойти на уступки требованиям прогрессивного блока, чем, по ее мнению, только и можно было спасти положение. И даже когда с.-д. оборонцами, этим левым крылом буржуазной оппозиции, предполагалось провести 27 февраля выступление рабочих для поддержки Думы, т. е. того же самого прогрессивного блока, буржуазия так была этим напугана, что ее лидер Милюков поспешил опубликовать открытое письмо к рабочим Петрограда с горячим призывом отказаться от выступления, которое, по его терминологии, было не чем иным, как «коварным замыслом» врага.

В тот же день (10 февраля), когда Милюков уговаривал рабочих не выступать, председатель Госуд. Думы Родзянко в личной беседе с царем настойчиво пытался убедить его в опасности надвигающихся событий и в необходимости уступок.

«Ваше величество, спасайте себя, — говорил Родзянко. — Мы накануне огромных событий, исхода которых предвидеть нельзя. То, что делает ваше правительство и вы сами, до такой степени раздражает население, что все возможно».

Уверенный в себе и в старые приемы подавления революции, «помазанник божий» отделывается от надоевшего ему Родзянко обычной своей фразой: —«Бог даст —все устроится». — «Бог ничего не даст,—отвечал, волнуясь, набожный Родзянко. — Вы и ваше правительство все испортили — революция неминуема».

Демонстрация, назначенная на 27 февраля, так на-

*) В. Шульгин—«Дни», стр. 86. Изд. «Прибой», Ленинград, 1925 г.

пугавшая буржуазию, не состоялась. Она не удалась не потому, что рабочие вняли призывам Милюкова, а потому, что это предприятие оборонцев встретило резкий отпор со стороны интернационалистских организаций, рассматривавших эту демонстрацию, как поддержку требований Думы создания «ответственного министерства» и ведения войны «до полной победы». Эти требования уже не могли удовлетворить рабочих, и они не пошли за оборонцами. После этого революционное брожение стало с громадной силой увеличиваться и расти с каждым днем. К началу марта оно охватило буквально всех рабочих Петрограда, стихийно выливаясь в забастовки. 8 марта в Петрограде бастовали десятки тысяч рабочих. 10 марта их уже насчитывали сотни. С первых же дней движение приняло ярко выраженный политический характер.

Как только выяснилось, что движение приняло такие широкие размеры, буржуазия, в лице Гос. Думы, и отдельные представители старого режима стали прилагать все усилия к тому, чтобы спасти положение.

Родзянко, а за ним бывший вел. кн. Михаил Александрович, председатель Совета Министров Голицын и др. посылают Николаю одну телеграмму за другой о серьезности положения и о необходимости, во имя спасения царизма, пойти на уступки образованием «ответственного министерства», чтобы положить конец начавшемуся движению. На царя эти телеграммы не производят никакого впечатления—он с тихим упрямством отмахивается от назойливых советчиков. Своему брату Михаилу он пишет в ответ, что благодарит его за совет, но здесь же самоуверенно заявляет, что он сам знает, как ему следует поступить. В собственноручно написанной телеграмме на имя кн. Голицина он сообщал, что при создавшейся обстановке он не находит возможным производить какие-либо перемены в составе Совета Министров и требует подавления революционного движения и бунта среди войск.

«В эти дни, — пишет Н. Соколов, со слов некоего Дубенского,—Николай был «покоен» и ничем положительно не проявлял и тени беспокойства»*).

11 и 12 марта весь рабочий Петроград был уже на улицах, к движению присоединилась и армия. К вечеру 12 марта столица, за исключением градоначальства, адмиралтейства, Зимнего Дворца и Петропавловской крепости, находилась в руках восставших. В этот же день организовался Петроградский Совет Рабочих Депутатов, и одновременно с ним возник Временный Комитет Государственной Думы. Но царь попрежнему не разбирается в развернувшихся событиях, не понимает, что поставлен вопрос о его собственной голове. В ответ на настойчивые просьбы командующего войсками Петроградского Военного Округа ген. Хабалова о присылке помощи, он отдает 11 марта приказ о подавлении движения, как-будто дело идет о какой-то забастовке.

«Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай»**).

Но приказ Николая запоздал, столица уже находилась в руках восставших рабочих и солдат.

Буржуазия, став перед фактом свержения царизма, спешит захватить руководство революцией в свои руки. Важнейшей задачей для буржуазии становится вопрос о том, как бы задержать ход революции, как бы, пожертвовав Николаем, сохранить царизм.

14 марта происходит тайное совещание членов образовавшегося Временного К-та Гос. Думы. Они все оказываются единодушными в своих заявлениях о том, что монархия должна быть сохранена и только Николай должен быть принесен в жертву для спасения России. Лидер октябристов А. Гучков так развивал это мнение:

*) Н. Соколов—«Убийство царской семьи», стр. 6.

**) «Падение царского режима», т. I, стр. 190.

«Чрезвычайно важно, чтобы Николай II не был свергнут насильственно. Только его добровольное отречение в пользу сына или брата может обеспечить без больших потрясений прочное установление нового порядка. Добровольный отказ от престола Николая II-го—единственное средство спасти императорский режим и династию Романовых»*).

Представители буржуазии засыпали царя телеграммами с просьбами «отречься» от престола и передать его наследнику Алексею, с регенством Михаила Александровича. Теперь Николай уже не проявлял прежнего упорства, т. к. и для него, наконец, стало ясно, что власть не находится больше в его руках. Еще 13 марта он решил выехать из Ставки в Царское Село, к своей семье, но его поезд, по распоряжению Петрограда, не был пропущен, и ему ничего не оставалось делать, как направиться в Псков, куда путь был открыт. Так последнему из Романовых пришлось убедиться лично, еще до своего отречения, что власть им потеряна.

14 марта Николай приехал в Псков, и в тот же день им был подписан акт об отречении в пользу своего сына. Это свое решение, как мы увидим дальше, он передумал.

Между тем, в Петрограде столкнулись интересы представителей Гос. Думы и Совета. После совещания Временного Комитета решено было от его имени послать в Ставку к царю Родзянко и Шидловского с поручением взять от Николая отречение в пользу Алексея, с назначением при нем в. к. Михаила Александровича в качестве регента. Об этом узнал Петроградский Совет, непрерывно заседавший в эти дни в Таврическом дворце. Чхеидзе от имени Совета потребовал от Комитета Думы об'яснений и текста выработанного им акта отречения.

---

*) М. Палеолог—«Царская Россия накануне революции» стр. 355. Москва, 1923 г.

Ознакомившись с ним, Петроградский Совет отверг формулу передачи власти новому самодержцу и потребовал об'явления республики.

Пока тянулись эти переговоры, два лидера Госуд. Думы — А. И. Гучков и В. В. Шульгин днем 15 марта получили на Варшавском вокзале паровоз с вагоном и уехали в Ставку, чтобы «уговорить» Романова «отказаться» от власти.

Комедия с отречением Николая описана Шульгиным так: «В десять часов вечера мы приехали... Через несколько путей стоял освещенный поезд... Мы поняли, что это императорский...

Сейчас же кто-то подошел...

— Государь ждет вас...

И повел нас через рельсы. Мы вошли в вагон. Это был большой вагон-гостиная. Зеленый шелк по стенам... Несколько столов... Старый, худой, высокий, желтовато-седой генерал с аксельбантами... Это был барон Фредерикс...

В дверях появился государь... Он был в серой черкеске... Лицо было спокойно...

Мы поклонились. Государь поздоровался с нами, подав руку. Движение это было скорей дружелюбно. Жестом государь пригласил нас сесть... Государь занял место по одну сторону маленького четырехугольного столика, придвинутого к зеленой шелковой стене. По другую сторону столика сел Гучков. Я—рядом с Гучковым, наискось от государя. Против царя—барон Фредерикс...

Говорил Гучков. Он говорил, очевидно, хорошо продуманные слова, но с трудом справлялся с волнением. Он говорил не гладко и глухо.

Государь сидел, опершись слегка о шелковую стену, и смотрел перед собой. Лицо его было совершенно спокойно и непроницаемо... Единственное, что, мне казалось, можно было угадать в его лице:

«Эта длинная речь—лишняя»...

В это время вошел генерал Рузский. Он поклонил-

ся государю и, не прерывая речи Гучкова, занял место между бароном Фредериксом и мною... В эту же минуту, кажется, я заметил, что в углу комнаты сидит еще один генерал, волосами черный, с белыми погонами... Это был генерал Данилов.

Гучков снова заволновался. Он подошел к тому, что, может быть, единственным выходом из положения было бы отречение от престола.

Гучков окончил. Государь ответил. После взволнованных слов А. И. голос его звучал спокойно, просто и точно. Только акцент был немножко чужой, — гвардейский:

— Я принял решение отречься от престола... До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына Алексея... Но к этому времени я переменил решение в пользу брата Михаила... Надеюсь, вы поймете чувства отца...

Последнюю фразу он сказал тише.

Государь встал... Все поднялись... Гучков передал государю «набросок» (отречения— *П. Б.*). Государь взял его и вышел. Через некоторое время государь вошел снова; он протянул Гучкову бумагу, сказав:

— Вот текст...

Это были две или три четвертушки — такие, какие, очевидно, употреблялись в Ставке для телеграфных бланков. Но текст был написан на пишущей машинке...»*)

Гучков, со слов А. Блока, поразился тем, что отречение делалось так легко. Сцена произвела на него тяжелое впечатление своею обыденностью, и ему пришло в голову, что он имеет дело с человеком ненормальным, с пониженной чувствительностью и сознательностью. Царь, по впечатлению Гучкова, был совершенно лишен трагического понимания событий: при самом железном самообладании можно было не выдержать, но голос у

*) В. Шульгин—«Дни», стр. 175–180.

царя как-будто дрогнул только тогда, когда он говорил о разлуке с сыном*).

Отречение Николая, как и отказ его от первоначального своего решения отречься в пользу сына, было продиктовано, несомненно, соображениями личной безопасности.

Это можно видеть, между прочим, из письма Александры Федоровны от 4 марта (по ст. ст.) к Николаю, в постскриптуме которого она писала: «только сегодня утром мы узнали, что все передано Мише, и Бэби (так называла она сына Алексея—*П. Б.*) теперь в безопасности—какое облегчение!»**)

Еще до того, как стало известно об отречении Николая в пользу своего брата, П. Милюков, от имени только что образовавшегося Временного Правительства, об'явил на митинге в Таврическом дворце, что власть перейдет к регенту, в. к. Михаилу Александровичу, а наследником будет Алексей.

Это сообщение вызвало среди рабочих и солдат Петрограда огромное недовольство и возмущение. Оно было настолько сильно, что уже грозило вылиться в движение против самой буржуазии. Об одном из таких фактов сообщает П. Милюков в своей «Истории второй русской революции».

«К концу дня (15 марта—*П. Б.*), — пишет он,—волнение, вызванное сообщением... о регентстве в. к. Михаила Александровича, значительно усилилось.

Поздно вечером в здание Таврического дворца проникла большая толпа чрезвычайно возбужденных офицеров, которые заявили, что не могут вернуться к своим частям, если П. Н. Милюков не откажется от своих слов»***).

---

*) А. Блок—«Последние дни императорской власти», стр. 107. Петербург, 1921 г.

**) «Красный архив», т. IV, стр. 221. «Семейная переписка Романовых».

***) П. Милюков—«История второй русской революции», т. I, в. I, стр. 52.

Ставка

Начальнику Штаба.

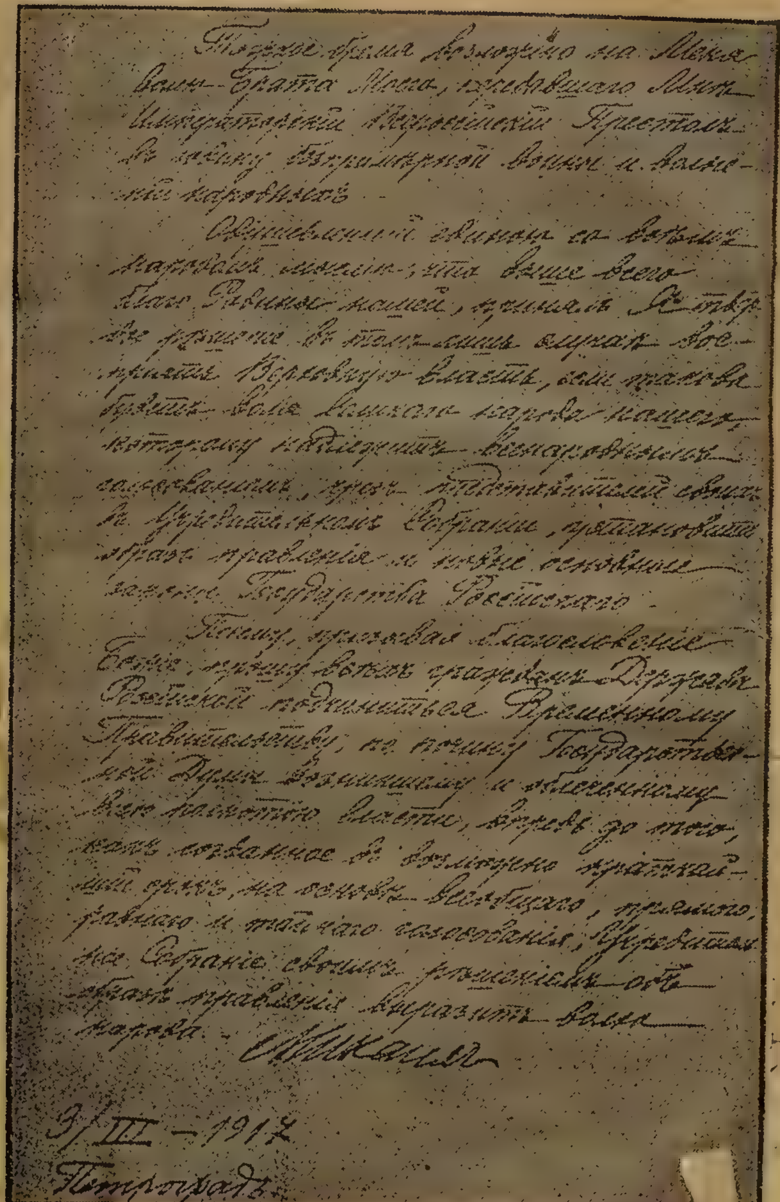
Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьбы Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственной Думою, признали Мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ, Мы передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россію.

Псков. Марта 15 час. 3 мин. 1917 г.

Николай

Министръ Императорскаго Двора
генералъ Адъютантъ Графъ Фредериксъ

АКТ ОТРЕЧЕНИЯ НИКОЛАЯ II.



Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшаго Мнѣ Императорскій Всероссійскій Престолъ въ годину безпримѣрной войны и волненій народныхъ.

Одушевленный единою со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принялъ Я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспріять Верховную власть, если такова будетъ воля великаго народа нашего, которому надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ, черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи, установить образъ правленія и новые основные законы Государства Россійскаго.

Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.

Михаилъ.

3/III — 1917.

Петроградъ.

в

АКТ ОТРЕЧЕНИЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА РОМАНОВА.

Напуганная нараставшей волной этого движения, буржуазия поспешила сдать свои позиции.

На другой день после отречения, 16 марта, как только Гучков и Шульгин приехали в Петроград, их еще на вокзале вызвал по телефону Милюков, предложив им, от имени Временного Правительства, не об'являть манифеста.

В. Шульгин так передает этот разговор:

— Да, это я, Милюков... Не об'являйте манифеста... Произошли серьезные изменения...

— Но как же?.. Я уже об'явил.

— Кому?..

— Да всем, кто здесь есть... Какому-то полку, народу... Я провозгласил императором Михаила...

— Этого не надо было делать... Настроение сильно ухудшилось с того времени, как вы уехали... Нам передали текст... Этот текст совершенно не удовлетворяет... Не делайте никаких дальнейших шагов... Могут быть большие несчастья» *).

В то время, как происходил этот разговор, Гучков отправился об'явить «радостную весть» на митинг в железно-дорожные мастерские, на котором было до 2.000 рабочих. Шульгин решил пойти предупредить Гучкова, но боясь, что акт отречения у него могут отнять и уничтожить, он предварительно передал его специально посланному членом Гос. Думы Бубликовым человеку. Пока он его разыскивал, Гучкова арестовали рабочие железнодорожных мастерских, требуя от него уничтожения акта отречения. Акта отречения у Гучкова не нашли. Тогда под конвоем вооруженных рабочих он был направлен в вагон комиссара Северо-Западн. ж.-д., который, «вежливо продержав Гучкова минут двадцать», выпустил, как только рабочие успокоились.

---

*) В. Шульгин — «Дни», стр. 189

Об этом случае, между прочим, рассказывает в своих воспоминаниях Ю. Ломоносов, встретившийся в тот день с Лебедевым, спасавшим акт отречения. Между ними произошел следующий разговор:

— Где же акт?

— Акт вот, — хрипло шепчет Лебедев, суя мне в руку какую-то бумагу. — Гучков арестован рабочими.

— Что?..—спросил я заплетающимся языком, суя в боковой карман тужурки акт отречения.

— В министерстве расскажу.

Молча входим в кабинет Бубликова.

— Ну что? Как? — спрашивает Бубликов.

— Гучков арестован... Акт отречения вот...

Как ни сенсационна была весть об аресте Гучкова, глаза всех, забывая о нем, впились в положенный мной на стол кусочек бумаги.

— Да, а с Гучковым-то что? — спросил Бубликов после минуты молчания.

— Когда поезд его пришел в Петроград, его здесь встретило порядочно народу, и он еще на вокзале говорил две речи... А затем пошел на митинг в мастерские... Когда я приехал, он уже был в мастерских, а Шульгин и начальство сидели в кабинете начальника станции. Было известно, что в мастерских неспокойно. Настроение было тревожное. Затем из мастерских передали, что Гучков арестован, что акта у него не нашли и что идут обыскивать других депутатов, чтобы уничтожить акт.

— Зачем?

— Товарищи переплетчики желают низложить царя, да и все остальное, кажется... Отречения им мало.

— Ну, а потом?

— Потом мне передали акт, я потихоньку закоулками на другую сторону, да и дал тягу... Грамоту ищут по всему городу. Возможно и сюда придут. Надо спрятать.

— Положить в несгораемый шкаф. Приставить караул.

— Нет, положить в самое незаметное место... И не в этой комнате...

Акт спрятали среди старых, запыленных номеров официальных газет, сложенных на этажерке в секретарской»*).

Так, не имея возможности спасти монархию, буржуазия, в расчете на неизвестное будущее, пыталась спасти хотя бы акт отречения, который так и остался по сей день для нее потерянной грамотой. В тот же день, 16 марта, была устроена новая комедия с отречением Михаила. На ней, кроме великого князя Михаила Александровича, присутствовали члены Временного Правительства: князь Львов, П. Милюков, А. Керенский, Н. Некрасов, И. Терещенко, И. Годнев, В. Львов и А. Гучков, а также члены Временного Думского Комитета: М. Родзянко, В. Шульгин, Н. Ефремов, М. Караулов и другие. Совещание происходило в весьма конспиративной обстановке, т. к., зная недовольство рабочих и солдатских масс, участники его не на шутку опасались за свою жизнь и за жизнь нового «помазанника».

На совещании выявились две точки зрения: одна за отречение Михаила от престола, другая против. Первую защищали М. Родзянко и А. Керенский. Оба они заявили, что об'явление нового царя вызовет еще большее возмущение и недовольство в массах и неизбежно приведет к гражданской войне внутри страны. При этом они указывали, что, при таких условиях, принятие престола создало бы опасность и для жизни самого великого князя.

«Я не вправе скрыть здесь, — говорил Керенский в заключение своей речи, обращаясь к Михаилу, — каким опасностям вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол... Во всяком случае... я не ручаюсь

*) Проф. Ю. В. Ломоносов—«Воспоминания о Мартовской революции 1917 г.», стр. 28—29. Стокгольм—Берлин, 1921 г.

за жизнь вашего высочества"...*). Этот аргумент показался Михаилу наиболее убедительным и, как увидим дальше, решил вопрос о престоле.

П. Милюков представил вторую точку зрения и страстно возражал против отречения. В своей речи он говорил, что „хотя правы утверждающие, что принятие власти грозит риском для личной безопасности великого князя и самих министров, но на риск этот надо итти в интересах родины", так как, по его мнению, „Временное Правительство одно, без монарха, является „утлой ладьей", которая может потонуть в океане народных волнений, стране при этих условиях грозит полная анархия**).

Поддержал П. Н. Милюкова один Гучков. Большинство же склонялось к необходимости отречения Михаила от престола и оставления вопроса о монархии открытым до созыва Учредительного Собрания, которое и должно было, по их мнению, самостоятельно решить его. Тогда Гучков, как пишет Палеолог, сделал последнее усилие, обращаясь лично к великому князю, взывая к его патриотизму и мужеству; он стал ему доказывать необходимость немедленно явить русскому народу живой образ народного вождя: „Если вы боитесь, ваше высочество, немедленно возложить на себя бремя императорской короны, примите, по крайней мере, верховную власть в качестве „Регента Империи" на время, пока не занят трон, или, что было бы еще более прекрасным титулом, в качестве „Протектора Народа", как назывался Кромвель. В то же время вы могли бы дать народу торжественное обязательство сдать власть Учредительному Собранию, как только кончится война"***).

Михаил оказался умнее, чем этого от него ожидали, и не решился надевать корону, боясь за свою голо-

*) В. Шульгин — «Дни», стр. 197.

**) П. Милюков — «История второй русской революции», т. I, вып. I.

***) М. Палеолог — «Царская Россия накануне революции», стр. 363 —364.

ву. Он подписал акт отречения в том духе, как этого хотело большинство участников совещания. Составляя его, они, главным образом, старались оставить открытой дорогу к престолу членам династии Романовых. Но юридические тонкости им не помогли. Романовым так и не удалось вернуть потерянного престола.

Теперь, переписывая в изгнании историю старых дней, представители буржуазии сомневаются, правильно ли ими был решен этот важный вопрос о прекращении династии Романовых. Во всяком случае, ими было сделано все возможное, чтобы поддержать падающую династию; и если это им не удалось, то, конечно, не их в том вина. Даже Николай в своем прощальном обращении к армии, датированном им 21-м марта, ничего, кроме благодарности, не мог высказать буржуазии за ее старания. Указывая в обращении, что власть им передана, он писал: «Повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь ваших начальников и да поможет ему (Врем. Правительству) бог вести Россию по пути славы и благоденствия» *).

*) Н. Соколов — «Убийство царской семьи», стр 7

ГЛАВА III.

Арест Романовых.

В то время, как Гучков и Милюков на коленях упрашивали Михаила «воспринять верховную власть», Исполнительный Комитет Петроградского Совета на своем заседании 16 марта (н. ст.) постановил предложить Временному Правительству совместно с Советом Рабочих Депутатов «арестовать династию Романовых».

Вопрос о том, как произвести аресты, было поручено разработать Военной Комиссии Совета. Для переговоров с Временным Правительством Исполнительный Комитет выделил председателя Чхеидзе и Скобелева. В течение 4-х дней Временное Правительство отмалчивалось, не решаясь дать окончательного ответа Совету. В то же время рабочие и солдатские массы, недовольные медлительностью, требовали все настойчивее проведения в жизнь постановления об аресте. 19 марта Исполнительный Комитет принужден был снова поставить этот вопрос и чтобы как-нибудь воздействовать на Временное Правительство, принял решение «немедленно сообщить Военной Комиссии при Совете Р. и С. Д. о принятии мер к аресту Николая Романова».

Это подействовало на Вр. Правительство. Оно, опасаясь самостоятельных шагов Совета, на другой же день, 20 марта, постановляет «лишить свободы Николая и его супругу».

Такой шаг со стороны Вр. Правительства был вызван все же не столько давлением Совета, сколько желанием сохранить голову коронованному дегенерату. Лучше

всего об этом свидетельствует Керенский, который говорит: «Настроение солдатских масс и рабочих Петроградского и Московского районов было крайне враждебное Николаю. Раздавались требования казни его, прямо ко мне обращенные. Протестуя от имени Правительства против таких требований, я сказал лично про себя, что я никогда не приму на себя роли Марата... Самая сила злобы рабочих масс лежала глубоко в их настроениях...» Вот причина, побудившая Временное Правительство лишить свободы царя и Александру Федоровну. Правительство, лишая их свободы, создавало этим охрану их личности.

О том же говорит и князь Львов, бывший в то время министром-председателем: «Нужно было оградить бывшего носителя верховной власти от возможных эксцессов первого революционного потока» *).

21 марта в Могилев, где находился в то время бывший царь, прибыли представители Временного Правительства—члены Государственной Думы Бубликов, Вершинин, Грибунин и Калинин. Они об'явили Николаю через генерала Алексеева, что он арестован и должен выехать в Царское Село, где жила в то время бывш. царица с семьей. В дни переворота дети Романовых были больны корью, и это обстоятельство лишило Александру Федоровну возможности находиться в критический для династии момент с Николаем. Имея большое влияние на него во всех государственных делах, она вряд ли дала бы ему возможность так легко расстаться с короной. Как и Николай, она до самого последнего момента плохо разбиралась в событиях. Указания ее приближенных, что начавшееся движение грозит существованию самодержавия, она неизменно отклоняла, как вздорные, не заслуживающие внимания слухи. Даже перед лицом фактов она упорно не хотела верить в воз-

*) Н. Соколов—«Убийство царской семьи» .Изд. «Слово». Берлин 1925 г., стр. 11—12.

можность революции. «Когда камердинер Волков,—пишет Соколов,—указал, что даже казаки в Петрограде ненадежны, она спокойно ответила:—«Нет, это не так. В России революции быть не может. Казаки не изменят»*).

Также она не верила сообщениям об отречении Николая.

Вел. князь Павел Александрович рассказывает, что еще 16 марта она ничего не знала об этом факте, и когда он прочел ей манифест об отречении, то Александра Федоровна воскликнула:

— Не верю, все это—враки. Газетные выдумки. Я верю в бога и армию. Она нас еще не покинула **).

Еще несколькими днями раньше, в надежде на того же бога и армию, она пыталась проехать к мужу в Ставку.

Но вокзалы находились в руках восставших солдат той самой армии, на которую она возлагала надежды, и ей не удалось встретиться с Николаем, чтобы лично на него воздействовать. Тогда она шлет ему телеграмму за телеграммой, но последние ей возвращаются обратно с надписью синим карандашем: «Местопребывание адресата неизвестно».

Наконец, 22-го марта сам адресат привозится в Царское Село.

Содержание Романовых под арестом в Царском Селе еще ни в какой мере, понятно, не устраняло опасности для жизни «помазанника» и его семьи. Это очень хорошо понимало и само Временное Правительство. Как мы сейчас увидим, постановление о лишении свободы Романовых связывалось им с более широким планом. Еще до принятия этого решения, Милюков, по поручению Временного Правительства, ведет переговоры с английским послом Бьюкененом о возможности выезда бывшего царя в Англию. Бьюкенен, после соответствующего запроса

*) Там же, стр. 9.

**) «Николай II и великие князья — родственные письма к последнему царю», стр. 145.

Лондона, сообщил, что его правительство согласно принять бывшую царскую семью в Англию и что для перевозки ее будет прислан английский крейсер.

В специальной ноте, посланной Бьюкененом министру иностранных дел, между прочим, говорилось, что «король и правительство его величества будут счастливы предоставить императору России убежище в Англии»*).

Переправить через границу семью было поручено Керенскому, который охотно согласился взять на себя роль спасителя последнего царя. Вся эта подготовка к увозу Романовых за границу велась в строгой тайне, о ней знали лишь очень немногие. Актом же об аресте Временное Правительство хотело усыпить бдительность масс, поставив их перед совершившимся фактом. В тот день, когда выносилось постановление о лишении свободы бывшего царя и его жены, князь Львов, глава правительства, послал в Ставку, генералу Алексееву, следующую телеграмму: «Временное Правительство постановило предоставить бывшему императору беспрепятственный проезд для пребывания в Царском Селе и для дальнейшего следования на Мурманск»**).

Неизвестно, ожидал ли обещанный крейсер в Мурманском порту коронованных беглецов, но последним так и не удалось воспользоваться услугами английских джентльменов.

В ночь на 22-е марта исполком Петроградского Совета, получив сведение, что правительство намеревается тайно «эвакуировать» Николая с семьей в Англию, решает во что бы то ни стало арестовать последних, хотя бы это и грозило разрывом сношений с Временным Правительством. Немедленно во все города исполкомом были разосланы радиотелеграммы с предписанием задержать Николая Романова. Кроме того, было издано

*) А. Керенский—«Издалека» (сб. статей). Париж, 1922 г., стр. 191.

**) «Русская Летопись», книга 5.

распоряжение о занятии войсками, верными Совету, всех вокзалов, а на ст. Царское Село, Тосно и Званка были командированы комиссары с чрезвычайными полномочиями. Чтобы в дальнейшем предохранить страну от подобных попыток увоза Романовых за границу, Совет наметил местом водворения Николая Трубецкой бастион Петропавловской крепости.

Один из эсэровских деятелей Февральской революции, С. Мстиславский, так изображает эту страницу русской революции:

«На заседании Совета (22-го марта) председатель его, Чхеидзе, ставит на голосование вопрос:

— Допустить ли от'езд царской фамилии. Кто против?

Как одна, поднялись дружным, нервным взметом руки.

— Но если так,—надо принять меры к тому, чтобы подобные покушения стали, раз навсегда, невозможны: ведь Временное Правительство может повторить при первом удобном случае попытку. Республика должна быть обеспечена от возвращения Романовых на историческую арену. Стало быть, «опасные» должны быть в руках непосредственно у Петроградского Совета... Слова никаких разногласий»*).

В заключение было решено послать в Царское Село отряд семеновцев и пулеметчиков, во главе с Мстиславским.

Петроградский Совет верно определил положение с охраной Романовых: она была в ненадежных руках. Временное Правительство «возложило» ее на известного генерала Корнилова, бывшего в то время командующим войсками Петроградского округа.

Приехав в Царское Село, уполномоченные Совета встретили решительный отпор со стороны «местных властей».

*) С. Мстиславский —«Пять дней». Москва, 1922 г., стр. 45

Последние отказались выдать Николая, считая своей обязанностью исполнять распоряжение ген. Корнилова, приказавшего не выдавать его. Но сам Мстиславский был уже далек от этой мысли. Боевое настроение, с которым он приехал с заседания Совета, прошло, и полномочный «эмиссар» ограничивается «договором» с охраной — поверкой постов и выключением телефонов и телеграфов. Однако, уехать из Царского, не увидав Романова, неудобно, и Мстиславский требует пред'явления ему «арестованного». Попасть в Александровский дворец к «заключенным» Романовым было не легко. Туда впускали только по именным пропускам-приказам того же генерала Корнилова. После долгих переговоров с офицерами охраны, пытавшимися отговорить его от такой «чрезвычайной меры», был, наконец, вызван главный церемониймейстер граф Бенкендорф. Старик оказался упрямее офицеров и прямо заявил, что бунтовщикам императора не покажет. Настойчивость Мстиславского и реальная сила отряда, приехавшего из Петрограда, заставили «верноподданных» пойти на уступки и согласиться на «поверку».

«На «пред'явление» со мной пошли, — пишет Мстиславский, — начальник внутреннего караула, батальонный, дежурный по караулу, рынд... Когда, сквозь распахнувшуюся, наконец, с ворчливым шорохом дверь, мы вступили в вестибюль, нас окружила — почтительно, но любопытно, — фантастической казавшаяся на фоне «простых» переживаний революционных этих дней, толпа придворной челяди. Огромный, тяжелый, как площадной Александр Трубецкого, гайдук, в медвежьей, чаном, шапке; скороходы; придворные арапы, в золотом расшитых малиновых бархатных куртках, в чалмах, острыми носами загнутых вверх туфлях; выездные — в треуголках, в красных, штампованными императорскими орлами отороченных, пелеринах. Бесшумно ступая мягкими подошвами лакированных полусапожек, в белоснежных гамашах, побежали перед нами вверх, по застланным

коврами ступеням, лакеи внутренних покоев... Все по-старому: словно в этой, затерянной среди покоев дворцовой громаде не прозвучало даже дальнего отклика революционной бури, прошедшей страну из конца в конец. И когда, поднявшись по лестнице, мы «следовали» сквозь гостиные, «угловые», «банкетные», переходя с ковров на лоснящийся паркет и вновь коврами глуша дерзкий звон моих шпор, — мы видели у каждой двери застывшими парами лакеев в различнейших, сообразно назначению комнаты, к которой они приставлены, костюмах: то традиционные черные фраки, то какие-то кунтуши... белые, черные, красные туфли, чулки и гамаши... А у одной из дверей—два красавца лакея в нелепых малиновых повязках, прихваченных мишурным аграфом на голове, при фраке, в белых чулках и туфлях...

В верхнем коридоре (под стеклянной крышей), обращенном в картинную галлерею, нас ожидала небольшая кучка придворных, во главе с Бенкендорфом. Придворные были в черных, наглухо застегнутых сюртуках. Шагах в шести — восьми от места нашей встречи со свитой коридор пересекался накрест другим: по нему-то и должен был выйти ко мне бывший император.

Я стал посредине коридора: правее меня Бенкендорф, по левую руку Долгоруков и еще какой-то штатский, которого я не знал в лицо. Несколько отступая, сзади стояли пришедшие со мной офицеры...

Где-то в стороне певуче щелкнул дверной замок. Бенкендорф смолк и задрожавшей рукой расправил седые бакенбарды. Офицеры вытянулись во фронт, торопливо застегивая перчатки. Послышались быстрые, чуть призванивающие шпорой шаги.

Он (Романов) был в кителе защитного цвета, в форме лейб-гусарского полка, без головного убора. Как всегда, подергивая плечом и потирая, словно умывая, руки, он остановился на перекрестке, повернув к нам лицо — одутловатое, красное, с напухшими, воспаленными веками, тяжелой рамой окаймлявшими тусклые,

свинцовые, кровяной сеткой прожилок передернутые глаза. Постояв, словно в нерешительности, потер руки и двинулся к нашей группе. Казалось, он сейчас заговорит. Мы смотрели в упор в глаза друг другу, сближаясь с каждым его шагом. Была мертвая тишина. Застылый, желтый, как у усталого, затравленного волка, взгляд императора вдруг оживился: в глубине зрачков словно огнем полыхнула растопившая свинцовое безразличие их яркая, смертная злоба...

Николай приостановился, переступил с ноги на ногу и, круто повернувшись, быстро пошел назад, дергая плечем и прихрамывая.

Я выпростал засунутую за пояс правую руку, приложил ее к папахе, прощаясь с придворными, и, напутствуемый шипением брызгавшего слюной Бенкендорфа, двинулся в обратный путь. Мои спутники подавленно молчали. И только в вестибюле один из них, укоризненно качнув головой, сказал: «Вы напрасно не сняли папахи: государь, видимо, хотел заговорить с вами, но когда он увидел, как вы стоите»...

А другой добавил: «Ну, теперь берегитесь. Если когда-нибудь Романовы опять будут у власти, попомнится вам эта минута: на дне морском сыщут»... *).

Меньшевики и соц. рев-ры, руководившие в то время Петроградским Советом, как всегда, оказались верными самим себе: громкие слова о водворении Николая в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, боевой план поездки в Царское Село и... поверка арестованного царя в его дворце.

Но все же содержание Романовых под арестом находилось с этого времени под некоторым контролем Петроградского Совета.

Правительство должно было считаться с действиями Совета и временно отказаться от выполнения своего намерения вывезти Романовых в Англию.

---

*) С. Мстиславский—«Пять дней», стр. 57—60.

ГЛАВА IV.

В старом гнезде.

С 22 марта вся семья находилась под «арестом» в Александровском дворце Царского Села, бывшего постоянным местопребыванием царской фамилии в предреволюционные годы.

Царское Село (ныне—Детское Село)—небольшой городок верстах в 20-ти к югу от Петрограда. Здесь находится большой дворец, где жила Екатерина II-я, и вблизи его, в парке—Александровский дворец. Царская семья занимала один из дворцовых флигелей, а главный корпус, где помещались парадные залы, был свободен. Свита разместилась также в одном из флигелей. Вместе с бывшей царской семьей остались разделить заключение граф и графиня Бенкендорф, фрейлина баронесса Буксгевден, графиня Гендрикова, чтица Шнейдер, граф Фредерикс, князь Долгоруков (обер-гофмаршал двора), учителя Жильяр и Гиббс, доктор Боткин и другие.

Водворение Романовых в царскосельское заключение мало успокоило широкие рабочие и солдатские массы. Они попрежнему настаивали на более суровом отношении к бывшей царской семье, как на лучшем обеспечении революции от возможных попыток монархической реставрации. «Смертная казнь Николая II и отправка его семьи из Александровского дворца в Петропавловскую крепость или в Кронштадт,—пишет Керенский в своих воспоминаниях,—вот яростные, иногда исступленные, требования сотен всяческих делегаций, депутаций и резолюций, являв-

шихся и пред'являвшихся Временному Правительству и в частности мне, как ведавшему и отвечавшему за охрану и безопасность царской семьи» *). Понятно, что Временное Правительство и сам «социалист» Керенский были глухи к подобным требованиям масс, и более того: после формального своего отказа вывезти Романовых за границу, Временное Правительство продолжало через Милюкова тайно вести дипломатические переговоры с английским правительством по тому же вопросу. Когда Милюков в апреле ушел в отставку, то, по словам Керенского, переговоры о вывозе обитателей Александровского дворца в Англию «продолжались еще с большей настойчивостью его заместителем М. И. Терещенко» **). Однако, в июне Временное Правительство постигло неожиданное разочарование: лондонский кабинет официально уведомил его, что до окончания войны выезд бывшего царя и его семьи в пределы Британской империи невозможен». Повидимому, Романовы были в курсе всех этих закулисных переговоров, но чем дальше велись переговоры, тем все меньше они надеялись увидеть заманчивые берега Англии. В своих воспоминаниях Жильяр пишет: «Мы думали, что наше заключение в Царском Селе будет непродолжительным, и ждали отправления в Англию. Но дни проходили, а наш от'езд все откладывался... Мы были всего только в нескольких часах езды от финляндской границы, и Петроград был единственным серьезным препятствием, а потому казалось, что, действуя решительно и тайно, можно было бы без большого труда достичь одного из финляндских портов и вывезти затем царскую семью за границу. Но никто не хотел брать на себя ответственность, и каждый боялся себя скомпрометировать»***).

В ожиданиях поддержки от «верных и преданных»— жизнь Романовых протекала однообразно. Под конвоем

*) А. Керенский—«Издалека», стр. 187.
**) Там же, стр. 192
***) П. Жильяр — «Трагическая судьба русской императорской фамилии» (воспоминания), Ревель, 1921 г., стр. 45.

солдат охраны дворца,—запасных частей 1, 2 и 4 гвардейских полков,—члены семьи два раза в день: утром—от 11 до 12 час. и днем от 2½ до 5 ч. ходили на прогулку. Для развлечения они пилили дрова, кололи лед, убирали снег, а весной и летом занимались в огороде.

Особых стеснений во внутренней жизни не было установлено. Ограничения были только во дворе и в саду дворца, где заключенным шага не давали шагнуть дальше назначенного для прогулок места.

Новая обстановка мало отразилась на настроении Николая,—он, как и в момент отречения от престола, производил впечатление человека с явно пониженною чувствительностью и сознательностью. Палеолог, со слов лиц весьма осведомленных о состоянии заключенных, записал 11 апреля в свой дневник: «Император все еще необычайно индиферентен и спокоен. С спокойным, беззаботным видом он проводит день за перелистыванием газет, за курением папирос, за комбинированием пасьянсов или играет с детьми. Он как-будто испытывает известное удовольствие от того, что его освободили, наконец, от бремени власти»*).

Жизнь дворца разнообразилась посещениями Керенского, который приезжал для проверки постов охраны и беседы с бывшим царем и его женой. По свидетельству оставшихся в живых приближенных Романовых, он проявлял большую заботливость к заключенным, справляясь каждый раз у них о здоровьи и о том, не терпят ли они каких-либо стеснений, оскорблений от солдат и т. п. От его посещений, которых было около 8—10, у всей царской семьи и ее свиты остались самые лучшие воспоминания. Даже Александра Федоровна, которая держалась очень надменно и относилась с презрением ко всем окружающим, и та, по словам камердинера Волкова, как-то говорила ему лично про Керенского: «Он ничего. Он славный человек. С ним можно

*) М. Палеолог—«Царская Россия накануне революции», стр. 422—3.

говорить» *). Но скоро наступило окончание дружеской идиллии, установившейся между «царственными узниками» с первым «министром-социалистом».

Наступили события начала июля. Они непосредственно не отразились на жизни дворца. Она попрежнему текла тихо и мирно. Но, несмотря на подавление июльского выступления, общеполитическое положение в стране все более и более принимало угрожающий характер для Временного Правительства, а вместе с тем и для жизни Романовых.

«Летом, в первой половине июля,—пишет Львов,—правительство пришло к убеждению, что нахождение царской семьи около Петрограда стало абсолютно невозможным, страна явно шла под уклон...»

Озабоченное сохранением царской семьи, Временное Правительство решает вывезти ее из Царского в более укромное место, подальше от большевистских Питера и Кронштадта.

Необходимость принятия такой меры приобретала в глазах Временного Правительства тем большую настоятельность, что начавшееся «разложение» в армии коснулось и царскосельского гарнизона. «Царское было для нас, для Временного Правительства,—пишет Керенский,—самым больным местом. Они (большевики — *П. Б.*) усерднейшим образом вели пропаганду среди солдат, несших охрану в Царском, и разлагали их. Настроение солдат было напряженно - недоверчивое. Из-за того, что дежурный офицер, по старой традиции дворца, получал из царского погреба полбутылки вина, о чем узнали солдаты, вышел большой скандал. Неосторожная езда какого-то шоффера, повредившего ограду парка автомобилем, также вызвала среди солдат подозрения и толки, что царя хотели увезти. Все это создавало дурную атмосферу... отнимало у нас реальную силу — царскосель-

*) Н. Соколов—„Убийство царской семьи", стр. 21.

ский гарнизон, в котором мы видели опору против разложившегося уже Петрограда»*).

Но главным мотивом увоза семьи Романовых из Царского все же были не эти опасения. На это между прочим указывает в своих воспоминаниях Жильяр, который пишет, что когда Керенский об'явил Николаю о решении Временного Правительства, то об'яснил ему, что необходимость переезда вызывается тем, что Правительство решило принять самые энергичные меры против большевиков, в результате, по его словам, неминуемо должны были произойти вооруженные столкновения, в которых первой жертвой могла бы оказаться царская семья; а потому он, Керенский, считал своим долгом обезопасить ее от всех возможных случайностей **). Последующие события в Петрограде отчасти подтверждают это.

Местом, куда должен был быть перевезен Николай, Временное Правительство избрало Тобольск. Удаленность его от главных центров политической борьбы делало его наиболее удобным местом, где Романовы могли бы спокойно жить в надежде на лучшие времена. Правда, сами Романовы предпочитали юг далекой холодной Сибири, и в один из приездов в Царское Керенского они поставили вопрос о переезде их в Крым (Ливадию). Керенский ответил, что в настоящий момент это совершенно невозможно. Понятно, что он отказывал Романовым в их просьбе не потому, что он сам лично не хотел этого, а потому, что этого не допустили бы рабочие и солдаты. Намечая Тобольск, куда в течение многих лет сами Романовы ссылали на верную смерть революционеров, Временное Правительство еще могло надеяться, что массы не воспрепятствуют осуществлению его намерения. Повидимому, этот мотив играл не последнюю роль в решении отправить царскую семью именно в Тобольск.

*) Н. Соколов—„Убийство царской семьи", стр. 24—25.
**) П. Жильяр—«Трагическая судьба» и т. д., стр. 52.

В первых числах августа в Царское приехал Керенский и устроил совещание с представителями охраны по вопросу о вывозе семьи. Совещание было обставлено весьма конспиративно; о решениях его знал лишь очень ограниченный круг лиц. На совещании были выделены три роты в 330 человек (при 6 офицерах) исключительно почти из младшего командного состава—фронтовиков и георгиевских кавалеров. Этот отряд был заново обмундирован, снабжен новыми винтовками и лично осмотрен Керенским, обещавшим выдавать всем участникам его особые командировочные деньги за все время командировки, о цели которой никому не говорилось. Начальником отряда был назначен комендант охраны полковник Кобылинский. Последний своей фигурой еще раз подчеркивает, как мало внимания уделяло Временное Правительство охране семьи Романовых, фактически предоставляя им возможность бежать из Тобольска.

Жильяр, хорошо знавший Кобылинского и обстановку, в которой ему пришлось работать, пишет в своих воспоминаниях: «Никто не подумал, что несмотря на революцию и состоя, якобы, в противном лагере, он продолжал служить государю императору верой и правдой, терпя грубости и нахальство охраны. Кобылинский сделал для царской семьи все, что мог, и не его вина, если недальновидные монархисты-организаторы не обратились к нему—единственному человеку, который имел полную возможность организовать освобождение царской семьи и ждал только помощи извне, которой он сам не мог призвать, так как был под постоянным надзором враждебно настроенных солдат»*).

Служа «верой и правдой», Кобылинский скоро завоевал расположение к себе царской семьи, которая отделке— дела в нем больше своего человека, чем комен села охраны. Перед от'ездом Николай с признательностью записал в свой дневник: «Кобылинский мой лучший друг».

*) П. Жильяр—«Трагическая судьба» и т. д.

12-го августа царской семье было об'явлено об отъезде. Ночью приезжали Керенский и Михаил Александрович для прощания. Керенский напутствовал солдат конвоя приличествующей случаю речью: «Помните,—между прочим, сказал он,—лежачего не бьют. Держите себя вежливо, а не хамами. Не забывайте, что это бывший император. Ни он, ни семья ни в чем не должны испытывать лишений»*).

Утром 14 августа царская семья была перевезена на автомобилях под конвоем драгун 3 Прибалтийского полка на станцию Александровская. В тот же день два поезда под японским флагом повезли царя и охрану в Сибирь. «Японская миссия Красного Креста»,—так значилось на роскошных «международных» вагонах поезда, бешено мчавшегося к Уралу.

Вместе с царской семьей поехали: князь Долгоруков, Татищев, доктор Боткин, преподаватель Жильяр и графиня Гендрикова. Кроме того, Романовыми была взята с собою многочисленная прислуга,—начиная от камердинера Николая и кончая поваренком,—в количестве 35 человек. По рангам и профессиям они распределялись так: 3 камердинера, 8 лакеев, 3 повара, 1 поваренок, заведующий погребом, 3 кухонных служителя, официант, 3 прислуги, 2 комнатных девушки, 2 няни, 2 служителя, писец, парикмахер, гардеробщик, чтица и воспитательница. Кажется, история не знала ни одного преступника, который располагал бы в заключении таким громадным штатом прислуги, какой был предоставлен Николаю с личного согласия Керенского. Поистине лакейское почтение питал этот мелкобуржуазный революционер к злейшему врагу народа.

В дороге царскую семью сопровождали два представителя Временного Правительства—Макаров и Вершинин. Были приняты все меры к тому, чтобы «путешествие» закончилось без инцидентов. Станции, где останавли-

*) Вильтон—«Последние дни Романовых». Берлин, стр. 56.

лись поезда, на большом расстоянии оцеплялись войсками местных гарнизонов, и вся публика и лишние служащие на это время удалялись. Во все время стоянок никого из вагонов не выпускали.

Несмотря на все предосторожности, на двух станциях поезд был все же остановлен для выяснения назначения. На станции Званка местные железнодорожные рабочие потребовали выяснения, кто следует в специальном поезде. Узнав, они спокойно пропустили его дальше. В Перми на вокзал к поезду явились представители местной власти с требованием к уполномоченным Временного Правительства пред'явить документы и сообщить, по каким нарядам идут поезда и кого в них везут. Документы за подписью Керенского в Перми подействовали, и поезда так же спокойно продолжали свой путь.

Вечером 17-го августа поезда прибыли в Тюмень, и Романовы сразу были переведены на пристань р. Тобола, где прихода эшелонов ждали уже 3 парохода: два больших—«Русь» и «Кормилец»—и один буксирный.

Офицеры местного гарнизона, во главе с начальником гарнизона, устроили для прибывших целый парад. Выстроившись у входа на пристань, они при выходе из вагона бывшего царя и его семьи приветствовали их отданием чести.

Царская семья и часть охраны были размещены на пароходе «Русь», остальная охрана на «Кормильце»; буксир же служил для поддержания связи.

К утру был выгружен на пароходы багаж семьи, и в 5 часов утра 18 августа пароходы отправились в Тобольск, вниз по реке Тоболу. На пути лежало село Покровское, родина «друга» царской семьи—Григория Распутина. Дом старца и по величине и по отделке—городской—выделялся из обыкновенных изб села и хорошо был виден с реки. Царская семья, проезжая мимо, собралась на борту парохода и оживленно делилась воспоминаниями о покойном «друге».

К Тобольску пароходы прибыли вечером 19 августа. Помещение для бывшего царя и охраны ремонтировалось, и семье пришлось пробыть несколько дней на пароходе.

Пользуясь неожиданной остановкой, вежливые уполномоченные Временного Правительства устроили увеселительную прогулку в Абалакский монастырь, находящийся вверх по реке, немного выше Тобольска. Здесь для семьи служили специальное богослужение, на котором она присутствовала, окруженная плачущими и вздыхающими богомольцами.

Только 26 августа началась выгрузка на берег.

ГЛАВА V.

В тобольском заключении.

Старинейший город Западной Сибири—Тобольск с давних пор служил одним из таких «отдаленных» мест, куда русские цари ссылали придворных, замешанных в дворцовых интригах и переворотах, а в ближайшее к нам время—лучших представителей рабочего класса.

Тобольск стоит на месте слияния рек Тобола и Иртыша. Отсюда открывается прямой водный путь на Обдорск и дальше в Ледовитый океан. Летние пути сообщения по суше здесь плохи—тундра, болота,—но зимний путь на оленях открывает широкую возможность сообщений с городами Сибири. С ближайшей жел.-дор. станцией Тюмень—город связан летом довольно хорошим водным сообщением, зимой же отдален от нее сотнями верст санного пути.

Довольно бойкий торговый пункт—перевал от фабричной промышленности к пушнине и рыбе дальнего Севера,—Тобольск в политическом отношении всегда был отсталым и реакционным центром.

После Февральской революции здесь, как повсюду в России, образовался Совет Депутатов. В нем преобладали эсэры и меньшевики, в большинстве местные ссыльные, по разным причинам застрявшие в Тобольске. Совет не имел большого влияния, и фактически власть была полностью в руках губернского комиссара Временного Правительства и Городской Думы.

Летом 1917 года, перед приездом Романовых, в городе существовала об'единенная с.-д. организация, которая вела небольшую работу среди полупролетарского

ремесленного населения. Большевиков же в Тобольске почти не было, и лишь к августу им удалось сколотить небольшую ячейку.

С приездом семьи Романовых и отряда охраны Совет и «местная власть» стушевались: всем и всему тон стали задавать те, которые были ближе к делу охраны бывшего царя.

Семья Романовых заняла большой и просторный бывш. губернаторский дом на улице Свободы, получившей такое название после переворота. Приехавшие с ней «свитские» поместились напротив, в бывш. доме купца Корнилова.

В первый же день пребывания семьи в Тобольске произошел инцидент, сразу обостривший отношения между охраной и заключенными. Днем вся семья со «свитой» и с представителями Временного Правительства Вершининым и Макаровым, без всякой охраны, ушли в дом Корнилова, где и пробыли довольно долго, осматривая помещения дома. В связи с этим состоялось собрание отряда. На нем от Вершинина и Макарова потребовали об'яснений,—почему они разрешили свободные прогулки бывш. царской семье. Испугавшиеся представители Временного Правительства оправдывались, ссылаясь на инструкцию, утвержденную Правительством, об охране бывш. царя и его семьи. В их об'яснении сущность инструкции сводилась к охранению семьи Романовых исключительно лишь в целях их личной безопасности, а не как арестованных. Среди солдат охраны это вызвало сильное недовольство. Вынесено было постановление—с инструкцией Временного Правительства не считаться. Вершинину и Макарову было предложено заключить Николая Романова под строгий надзор охраны, для чего кругом дома и внутри поставить часовых, ночью выставлять добавочные посты и назначать три смены патрулей для обхода прилегающих к губернаторскому дому улиц. Кроме того, решено было немедленно приступить к постановке высокого забора около дома и

огородить место, куда Николай и его семья могут выходить гулять два раза в день: от 10 до 12 и от 2-х до 4-х. Далее постановлено было предоставить Романовым право раз в неделю посещать под конвоем церковь под названием «Покрова богородицы», расположенную вблизи дома.

Требования, пред'явленные общим собранием, были приняты представителями Временного Правительства, и в тот же день было приступлено к постройке забора и выставлены караулы.

Вершинин и Макаров, пробыв в Тобольске еще два—три дня, уехали обратно в Петроград. Вскоре после их от'езда прибыл в отряд новый назначенный комиссар Временного Правительства—эсэр Панкратов. С 1-го сентября вся охрана перешла в его ведение, ему же подчинялся и полковник Кобылинский. Свою роль комиссара Панкратов понимал довольно своеобразно. В этом отношении очень характерна его первая встреча с царской семьей, им лично описанная.

«2 сентября,—повествует он,—я отправился в губернаторский дом. Не желая нарушать приличия, я заявил камердинеру бывшего царя, чтобы он сообщил о моем прибытии и что я желаю видеть бывш. царя...

— Здравствуйте,—сказал Николай Александрович, протягивая мне руку,—благополучно доехали?

— Благодарю вас, хорошо,—ответил я, протягивая свою руку.

— Как здоровье Александра Федоровича Керенского?—спросил бывший царь.

В этом вопросе звучала какая-то неподдельная искренность, соединенная с симпатией и даже признательностью (еще бы!—*П. Б.*). Я ответил на этот вопрос коротким ответом и спросил о здоровьи бывш. царя и всей его семьи.

— Ничего, слава богу,—ответил он.

После такого обмена взаимными приветствиями и справками о здоровьи беседа перешла на «деловые» вопросы.

— Не можете ли вы разрешить мне пилить дрова?— вдруг заявил он.—Я люблю такую работу.

— Быть может, желаете столярную мастерскую иметь? Эта работа интереснее,—предложил я.

— Прикажите лучше привезти к нам на двор лесу и дать пилу,—возразил Николай Александрович.

— Завтра же все это будет сделано.

— Могу ли я переписываться с родными?

— Конечно. Имеются ли у вас книги?

— Даже много, но почему-то иностранные журналы мы не получаем, разве это запрещено нам?

— Это, вероятно, по вине почты. Я наведу справки. Во всяком случае ваши газеты и журналы не будут задерживаться!..

— Не будет ли зимой здесь холодновато жить, зал большой,—заметил бывший царь.

— Надо постараться, чтобы этого не было. Придется все печи осмотреть, исправить. А топлива здесь достаточно,—ответил я...

— Если у вас будут какие-либо заявления, можете обратиться ко мне,—сказал я, уходя»*).

Заботливость и предупредительность, проявленная новым комиссаром в первой встрече, не была случайной. Такое отношение к заключенным стояло в полном соответствии и с инструкцией Временного Правительства, и с напутственными словами самого Керенского отряду при от'езде в Тобольск. За время своего пребывания комиссаром Панкратов добросовестно проводил директиву своего коллеги по партии. Правда, в своем усердии он далеко опередил последнего в лакейской предупредительности и услужливости, так что трудно

*) «Былое», № 25, 1924 г. В. Панкратов: —„С царем в Тобольске", стр. 199—200.

было иногда отличить в нем комиссара Временного Правительства от старшего дворецкого или кого-либо другого из близких Романовых.

Некая Эрсберг, бывшая вместе с царской семьей в Тобольске, так говорит о нем: «Он был человек добрый и сердечный. Он хорошо относился к ним и, как заметно было, жалел их. Особенно он любил Марию Николаевну. Однажды она зашибла себе глаз: упала... Он, услыхав об этом, сейчас же прибежал и заметно беспокоился из-за этого. Так же он относился к болезням Алексея Николаевича. Он и к государю относился внимательно. Иногда он приходил к нам и любил рассказывать княжнам и Алексею Николаевичу о своей ссылке в Сибирь. Они любили его слушать»*).

Под недреманым оком такого «поброго и сердечного» комиссара жизнь царской семьи, окруженной заботами многочисленной челяди и самого комиссара, проходила спокойно и чинно по заведенному распорядку. Недостатка в средствах семья не ощущала, т. к. Романовы в то время могли свободно распоряжаться своими громадными средствами, находившимися в банках. По самому скромному подсчету они определялись более чем в 14 милл. рублей. Это давало возможность недурно жить не только самой семье, но и всей многочисленной прислуге, приехавшей с ними.

Один из солдат охраны, П. М. Матвеев, так свидетельствует об этом благополучии: «Все продукты для Романовых закупались на базаре. В тех же случаях, когда на базаре каких-либо продуктов не имелось, как напр., сахару, то это с избытком пополнялось приношениями монашек окрестных монастырей. За честь выпить стакан кофе на кухне бывш. царя эти черноховстницы из отдаленных монастырей приносили Романовым в неисчислимом количестве свои подарки в виде сахара,

*) Н. Соколов—«Убийство царской семьи», стр. 32.

масла, сливок, яиц и проч. снеди; об уплате за эти продукты не могло быть и речи» *).

Не забывали Романовых и их «друзья», оставшиеся на свободе, присылая им регулярно деньги и разного рода посылки.

Поддерживая тесную связь со своими «друзьями», Романовы в свою очередь не забывали их. В переписке между Александрой и Вырубовой почти в каждом письме встречаем: «Посылаю макароны, колбасу, кофе—хотя и пост теперь». «Посылаю еще муки; надеюсь, с'едобное, которое я посылаю тебе через Лошкаревых и Крауп»... и т. д.**). Это показывает, что связь семьи с центром, куда ездили специальные «курьеры-добровольцы», отвозившие почту и посылки, была весьма хорошо налажена. Об этом можно, между прочим, судить из следующего случая. Как-то в Тобольск в адрес Романовых прибыл груз в несколько ящиков. Полковник Кобылинский предложил солдатам отряда, за особую плату, произвести выгрузку ящиков. На прибывших нескольких тяжелых ящиках были пометки: «посуда», «теплые вещи», «фрукты» и т. д. При перегрузке один из этих ящиков разбился. В нем оказалось 20 четвертей спирта. Солдаты охраны тогда решили вскрыть и другие. В одном из них оказался так же спирт, а в остальных вино. Это вызвало возбуждение среди солдат охраны и местных тобольских жителей. Все вино и спирт тут же на пристани были вылиты в Иртыш.

Романовы этим остались весьма недовольны, хотя, по словам охраны, недостатка в спиртных напитках у них не было, и за обедом всегда подавалось вино, а для Николая—графинчик с водкой.

«Друзья» заботились также и о «духовной пище» заключенных, снабжая их книгами, журналами и газетами.

---

*) Из неизданной рукописи П. М. Матвеева: «Царское Село—Тобольск—Екатеринбург».

**) Вырубова—«Записки», стр. 162.

«Кроме русских газет, Николай получал английские, французские газеты и журналы. Кто-то, очевидно, зная вкус бывшего царя, присылал ему довольно веселые журнальчики»*).

Днем семья проводила время в прогулках во дворе дома; играли в городки или занимались пилкой дров, для чего были куплены пилы и топоры, и на двор им возились дрова.

«Вечером,—пишет Жильяр,—все приближенные собирались в кругу царской семьи... Устраивали игры и всячески старались найти способ рассеять как-нибудь узников в тяжелом однообразии их жизни. Император часто читал вслух, в то время как великие княжны работали над каким-нибудь рукоделием или же играли с нами. Императрица обыкновенно играла одну или две партии в безик с генералом Татищевым, а затем бралась в свою очередь за работу или же лежала, вытянувшись, в кресле. И в такой-то мирной, чисто семейной обстановке,—заключает Жильяр,—мы проводили долгие зимние вечера»**).

Как видим, в тобольской ссылке жилось не худо. Все оставшиеся в живых приближенные Романовых, бывшие с ними, отмечают, что первые полтора—два месяца пребывания в Тобольске были лучшими для царской семьи за все время их заключения. По их же словам, условия заключения в достаточной мере походили на царскосельские, и заключенным предоставлялось все необходимое.

Если бы солдаты охраны в первый же день не ограничили территорию для бывшего царского «двора» двором дома, то пребывание Романовых в Тобольске мало походило бы на заключение арестованных. Они могли бы коротать дни в надежде на освобождение гораздо лучше, чем в Царском Селе.

---

*) «Былое», № 25, 1924 г. В. Панкратов: «С царем в Тобольске», стр. 209.

**) П. Жильяр — «Трагическая судьба» и т. д., стр. 54—55.

масла, ...
дукты ...
Не
ся на св...
рода по...
Под
Романов...
между ...
ме встр...
и пост...
которое
и т. д.*
да ездил...
шие по...
Об этом...
случая.
груз в ...
предло...
сти вы...
лых яи...
«фрукт...
разбило...
ты охр...
них ок...
вызвал...
тобольс...
стани...
Ро...
по сло...
них не...
Никол...
«Д...
заклю...
ветами...
ло—То...

Николай и его семья лично и через своих приближенных проявляли большую настойчивость, чтобы им разрешали не только посещение церкви, чего они добились, но прогулки по городу и в окрестностях. Они неоднократно обращались с такого рода настойчивыми просьбами к Панкратову. Лично сам он ничего не имел против таких прогулок, но ему приходилось считаться с враждебным настроением солдат охраны и местного населения ко всякого рода смягчениям режима заключенных. Это было главной причиной, заставлявшей «доброго и сердечного» комиссара каждый раз отказывать Романовым в их просьбе. Будь несколько иное отношение к ним со стороны солдат охраны и местного населения, он наверное бы удовлетворил их просьбу.

В своих воспоминаниях Панкратов приводит следующий интересный разговор с Николаем на эту тему:

— Я хотел бы просить вас разрешить с семьей осмотреть город.

— Весьма охотно бы это сделал, если бы имел разрешение от Временного Правительства. Кроме того, есть еще и другие мотивы.

— Вы боитесь, что я убегу?—перебивает меня Николай Александрович.

— Это менее всего,—возражаю ему:—я уверен, что вы и попытки такой не сделаете... *)

Надо было быть очень наивным человеком, в роде Панкратова, чтобы высказываться с такой уверенностью о невозможности даже попытки к побегу Романовых. Как раз в это время ряд монархических организаций и кружков уже приступали к подготовке освобождения царской семьи. В своей наивности комиссар Временного Правительства был настолько смешон, что даже царская семья втихомолку подсмеивалась над ним.

*) «Былое», 25, 1924 г. В. Панкратов: «С царем в Тобольске».

И даже такой ограниченный, недалекий человек, как Николай, и тот, несмотря на всю «симпатию и даже признательность» к Панкратову, относился к нему иронически, дав ему прозвище: «маленький человек».— Панкратов был невысокого роста.

И если все-же побег Романовых не состоялся, то, как мы увидим ниже, Панкратов всего меньше был в этом виновен. Наоборот, он своим поведением делал все возможное, чтоб обеспечить успех побега.

масла,
дукты
Не
ся на св
рода пс
Пор
Романо
между
ме встр
и пост
которое
и т. д.*
да ездил
шие по
Об этом
случая.
груз в
предло
сти вы
лых яп
«фрукт
разбил
ты охр
них ок
вызвал
тобольс
стани
Ро
по сло
них н
Никол
«Д
заклю
ветам

ло—То

ГЛАВА VI.

Гермогеновщина.

С пребыванием царской семьи в Тобольске тесно связана деятельность там одного из видных русских монархистов-церковников—епископа Гермогена.

Гермоген, ближайший сподвижник и ставленник Распутина, был широко известен в России, как друг царской семьи. После переворота он был оставлен на свободе. К подобного рода явным монархистам, как известно, Временное Правительство относилось с большою терпимостью и даже благожелательностью, давая им иногда новые ответственные назначения.

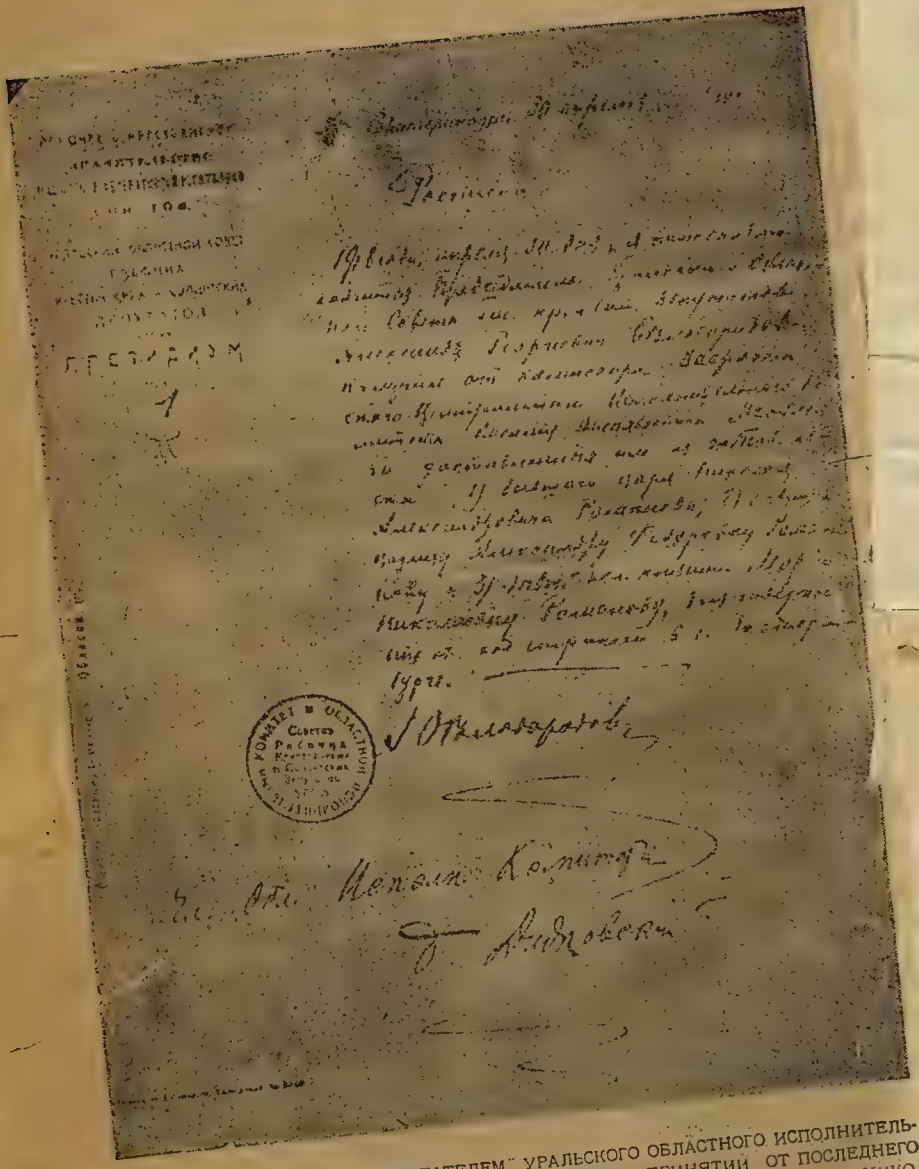
Не был забыт и Гермоген.

Новый «революционный» обер-прокурор Синода В. Н. Львов назначил его архиереем в Тобольск. Это назначение, происшедшее до перевоза Романовых, как выяснилось теперь, имело под собой определенную почву. По приезде в Тобольск, Гермоген повел длительные переговоры с Петроградом о переводе Романовых в Тобольск, и эти переговоры действительно закончились переводом царской семьи.

Немногочисленные единочки-революционеры, группировавшиеся в тобольском Совете, понимали, какую роль может сыграть этот монах в деле подготовки освобождения Романовых из тобольского заключения. Они неоднократно обращали на это обстоятельство внимание центра. Но все попытки такого рода кончались неудачей. Временное Правительство считало за мудрость отмалчиваться.

ЦЕРКОВЬ В ТОБОЛЬСКЕ, В КОТОРУЮ ХОДИЛА МОЛИТЬСЯ Б. ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ.

Б. ВЕЛИКИЕ КНЯЖНЫ НА ПРОГУЛКЕ В САДУ ГУБЕРНАТОРСКОГО ДОМА В ТОБОЛЬСКЕ.



РАСПИСКА, ВЫДАННАЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА Т. БЕЛОБОРОДОВЫМ ЯКОВЛЕВУ В ПРИНЯТИИ ОТ ПОСЛЕДНЕГО ПРИВЕЗЕННЫХ ИМ ИЗ ТОБОЛЬСКА НИКОЛАЯ II, ЕГО ЖЕНЫ И ДОЧЕРИ МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ ДЛЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ.

Между тем, вскоре же по приезде Романовых в Тобольск, начали появляться бывшие офицеры, под вымышленными фамилиями, прибывшие туда «на отдых» или для «развлечения», как отвечали они на вопросы местных властей, пытавшихся выяснить причины приезда этих подозрительных «гостей» в тобольское захолустье.

Большинство их приезжало, повидимому, по подложным документам. Были, напр., задержаны два офицера—«Кириллов» и «Мефодиев», приехавшие туда в отпуск с фронта на две недели. Задержаны были два офицера—братья Раевские (по документам). Один из них приехал в Тобольск раньше, и за ним было установлено наблюдение. Второй «брат» приехал позднее и сразу, ночью, не повидавшись с братом, отправился к Гермогену. По выходе из архиерейского дома, Раевский был арестован. При нем нашли удостоверение, выданное «Всероссийским братством православных приходов». При допросе он сообщил, что привез Гермогену письмо от епископа Камчатского—Нестора.

Позднее при обыске у Гермогена выяснилось, какое письмо привез в Тобольск Раевский. Письмо это было от бывш. царицы-матери, Марии Федоровны, которая убеждала Гермогена взять на себя руководство делом спасения царской семьи в целях восстановления монархии: «Владыка,—писала она,—ты носишь имя святого Гермогена, который боролся за Русь,—это предзнаменование... Теперь настал черед тебе спасать родину, тебя знает вся Россия,—призывай, громи, обличай. Да прославится имя твое в спасении многострадальной России».

И Гермоген начинает «прославляться».

Семья Романовых ходит в церковь по утрам, когда меньше движения на улицах. Для них служится там особая обедня. 3-го ноября, в день старого «царского праздника»—«восшествия на престол» Николая Романова, после обычной службы, в то время, когда семья выходила из церкви, по распоряжению священника Алексея Васильева, раздался праздничный трезвон всех колоколов

собора и продолжался все время, пока семья не скрылась в дверях своего дома. Одним словом, был инсценирован прежний выход «их величеств». Это вызвало разговоры среди солдат охраны, но дальше разговоров дело не пошло.

В ноябре месяце в городском соборе, в казармах и на улицах неизвестным монахом раздавались уже листовки с призывом помочь «царю-батюшке» и «постоять за веру русскую, православную». В это же время в церкви, куда водили Романовых, неожиданно появилась привезенная из Абаллакского монастыря «чудотворная икона», которая приносилась в Тобольск обычно летом с особой торжественностью и пышностью. Из «появления» иконы в Тобольске в необычное время пытались, повидимому, разыграть какое-то «чудо».

Понадобилось вмешательство Совета, после настойчивых предложений которого икона «ушла» обратно в монастырь. Наконец, 6 декабря (ст. ст.) в той же церкви, в присутствии у обедни всей царской семьи, дьякон провозгласил старое «многолетие» «царствующему дому», именуя при этом полными старыми титулами царя, его жену, наследника и дочерей. Эта попытка монархистов перейти в открытое наступление вызвала большое недовольство и возмущение среди солдат охраны и среди наиболее революционных кругов Тобольска. Романовым запрещено было посещение церкви и предложено молиться дома. Дьякон Евдокимов и священник Васильев были арестованы и привезены в Совет. При допросе они путались, сваливая вину один на другого, но чувствовалась за ними направляющая рука Гермогена.

Совет в этом деле не проявил должной решительности, оставив попа и дьякона под домашним арестом.

Гермоген, без разрешения Совета, освободил их и отправил для «эпитемии» (покаяния) в монастырь. Началась переписка с Гермогеном, уклонившимся от дачи личных показаний. В своем письме Совету Гермоген философствовал и приводил тексты из церковных

книг, заявляя, что по «данным священного писания, государственного права, церковных канонов и канонического права, а также по данным истории, находящиеся вне управления своей страной бывшие короли, цари и императоры не лишаются своего сана, как такового, и соответственных им титулов, почему поступок священника Васильева он не считал и не считает преступным».

Вся деятельность Гермогена свелась, главным образом, к этой мобилизации настроения среди верующей части тобольского населения, преимущественно купцов, торговцев, кулачества и т. п. реакционных, черносотенных элементов. Непосредственной же попытки к освобождению Романовых ему так, повидимому, и не удалось сделать.

Правда, одно время он пытался опереться в этом деле на образовавшийся в Тобольске союз фронтовиков. Во главе этого купеческого союза стоял некто Лепилин. Выдавал он себя за политического ссыльного, но вскоре оказалось, что он вор-рецидивист, шантажист и провокатор, к которому, в свое время, даже охранка потеряла всякое доверие. Союзу Гермоген отпустил несколько тысяч рублей и этим завоевал популярность среди организации, готовой пойти всегда за тем, кто даст больше денег. Но этим и ограничилась связь с союзом фронтовиков. Это и понятно. Слишком заметной фигурой был Гермоген в Тобольске, чтобы иметь возможность принимать более активное участие в этом рискованном предприятии.

Но Гермоген был не одинок в своих попытках притти на помощь царской семье. С приездом последней в Тобольск зашевелились и различные монархические организации, группы и кружки в центре. Когда Романовы находились в царскосельском заключении, рядом с революционным Питером и Кронштадтом, им нечего было и думать об освобождении царской семьи—дело было совсем безнадежное. В этом очень скоро убедились и сами монархисты. Лидер русских монархистов, известный

Марков II рассказывает: «В период царскосельского заключения я пытался вступить в общение с государем-императором. В записке, которую я послал при посредстве жены морского офицера Юлии Александровны Ден, очень преданной государыне императрице, и одного из дворцовых служителей, я извещал государя о желании послужить царской семье, сделать все возможное для облегчения ее участи, прося государя дать мне знать через Ден,—одобряет ли он мои намерения,—условно: посылкой иконы. Государь одобрил мое желание: он прислал мне через Ден образ Николая угодника» *).

Из дальнейшего повествования видно, что эта первая попытка установления общения монархистов с Романовыми дальше «Николая угодника» так и не пошла, т. к., по словам другого видного монархиста В. Соколова, они «не могли ничего предпринять в первые месяцы после отречения государя в силу общих событий: более чем кто-либо гонениям подвергались... правые монархисты».

Об'яснение пассивности монархистов в это время—явно вздорное. Дело, конечно, заключалось не в том, что они, якобы, подвергались каким-то гонениям (Временное Правительство меньше всего склонно было их преследовать), а в том, что Романовы находились под зорким наблюдением солдат и рабочих Питера.

С переездом в Тобольск положение резко менялось: вместо Питера и Кронштадта с их рабочими и солдатами—гнездо сибирского кулачества, прямой путь в Англию, пункт, находящийся вдали от революционных пролетарских центров. Все это не могло не открывать перед монархистами заманчивых перспектив освобождения «обожаемого» монарха.

Не случайно, что именно с осени начинаются активные действия монархистов с подготовкой освобождения Романовых. Тот же Марков II сообщает, что «после долгого вынужденного бездействия мы в сентябре решили

*) Н. Соколов—«Убийство царской семьи», стр. 95.

послать в Тобольск своего человека для установления связи с царской семьей и, буде того потребуют обстоятельства,—увоза ее. Наш выбор пал на офицера Крымского полка, шефом которого была императрица, N. Это был человек, искренно и глубоко преданный их величествам. Он был лично и хорошо известен государыне императрице. Его также знал и государь.

«Он уехал, кажется, в сентябре 1917 г. Он известил нас о своем прибытии в Тюмень... Мы стали обдумывать вопрос о посылке других офицеров в Тобольск. Состоялась посылка Маркова» *).

Еще раньше монархической организации, руководимой Марковым II, с той же целью предпринимает подготовительные шаги и распутинский кружок Вырубовой. Во главе всего дела был выделен некий Борис Соловьев, сын казначея святейшего Синода, старого знакомого и приятеля Григория Распутина. С 1915 года этот Соловьев состоял членом распутинского кружка. Во время переворота он вместе со 2-м Пулеметным полком оказался в Государственной Думе, был назначен ад'ютантом председателя Военной Комиссии Думского К-та Половцева. Но после этого, однако, связь с распутинским кружком не прервалась; он попрежнему остался активным членом последнего.

В августе месяце 1917 г., когда царская семья была уже в Тобольске, Соловьев, по поручению кружка, едет туда. Здесь он пытается завязать сношения с епископом Гермогеном, уже установившим «общение» с Романовыми. Через некоторое время он женится на Матрене Распутиной, дочери старца, и снова едет в Сибирь. Из опубликованных Н. Соколовым отдельных выдержек из дневников обоих супругов видно, что их брак был заключен исключительно по соображениям «делового характера». Для Соловьева он имел то значение, что его приезд в Тобольскую губернию в качестве родственника семьи

*) Н. Соколов—«Убийство царской семьи», стр. 95—97.

Распутина не мог вызвать подозрений у местной власти к нему, как к бывшему офицеру, и он мог спокойно проживать вблизи от места заключения бывш. царской семьи, подготовляя ее освобождение. Молодая чета остановилась у вдовы Распутина в с. Покровском. Но вскоре Соловьев избрал своим главным местопребыванием Тюмень, город удобный для наблюдения за всеми, кто едет в Тобольск или из него. Он проживал здесь под именем Станислава Корженевского.

Поселившись в Тюмени, Соловьев установил сношение с бывш. царицей и скоро стал посредником между ею и распутинским кружком, доставляя в Тобольск и Петроград письма, деньги и посылки. В Тобольске проживали две горничные Александры Федоровны—Уткина и Романова, не значившиеся в списках прислуги и приехавшие в Тобольск уже после прибытия туда царской семьи; жили они отдельно, на частной квартире. Обе они были распутинианки, через них Соловьев и установил сношения с бывшей царицей. Последняя доверяла ему и как зятю Распутина, и как посланцу распутинского кружка Вырубовой.

Таким образом, к началу октября монархическим группам и кружкам удалось установить опорные пункты для организации освобождения Романовых из тобольского заключения.

Если все же не удался побег Романовых, то это об'ясняется, как мы увидим ниже, тем, что непосредственные организаторы его, не поделив между собой громадных сумм, шедших на это дело из центра, передрались и переругались между собой, позабыв совершенно об «обожаемой особе» монарха. Не последнюю роль сыграло также и то обстоятельство, что после Октябрьской революции власть над охраной бывш. царя перешла от Кобылинского и Панкратова к Солдатскому Комитету. Не будь этого, Романовым, наверное, удалось бы избежать казни.

ГЛАВА VII.

Тобольское заключение после Октябрьского переворота.

Об Октябрьской революции Тобольск узнал лишь через две недели после переворота, сущность же происходивших событий была им уяснена гораздо позже. Об'яснялось это общеполитической обстановкой того момента. Долгое время аппарат связи—телеграф и железные дороги—находился под влиянием организаций, бывших против большевиков. «Викжель»—Всероссийский Исполнительный Комитет Железнодорожников, «Крестьянский союз» и другие организации, поддерживавшие Временное Правительство, ложными телеграммами о борьбе в Петрограде запутывали положение во многих отдаленных пунктах страны. Тобольск был в числе этих городов и долгое время не знал о действительном положении дел. Этому способствовали, конечно, меньшевики и эсэры, руководившие в то время тобольским Советом.

Когда положение уже выяснилось, установилась связь с центром и начали приходить первые декреты и распоряжения, Совет еще раз сделал попытку создать коалиционный комитет из Думы и Совета. Но из этой попытки ничего не вышло. И до прихода в начале 1918 года рабочих отрядов из Омска и Екатеринбурга в Тобольске сохранялась попрежнему старая власть губернского комиссара, Городской Думы, и даже были произведены выборы в земство.

Такая политическая обстановка в Тобольске вызывала у рабочих масс Урала и Сибири понятные подозрения и опасения ненадежности охраны Романовых и осо-

бенно ее комиссара. «На мое имя,—пишет Панкратов,—получались анонимки с угрозами с фронта, из Омска, Красноярска, Екатеринбурга и даже от самих тоболяков. Грозили даже послать целую дивизию за то, что я «распустил» царскую семью»*). Омский совет дважды с особой настойчивостью давал приказания через своего военного комиссара о переводе бывшего царя с семьей в каторжную тюрьму и аресте губернского комиссара, но безрезультатно. Тобольск и его комиссар не считались с распоряжениями Омска, несмотря на то, что в административном отношении они были ему подчинены. Но эти попытки оказать сопротивление распространению власти Советов носили пассивный характер, т. к., по мере того, как массами уяснялась сущность совершившихся в Петрограде событий, власть в Тобольске все больше и больше уходила из рук агентов Временного Правительства.

Комиссар Панкратов долгое время пытался держать отряд в неведении относительно происходивших в центре событий. Но понемногу отзвуки Октябрьского переворота стали проникать и в солдатскую массу охраны.

Наиболее «неблагополучной» была рота 2-го Гвардейского полка, где, под руководством подпрапорщика А. Матвеева, создалось небольшое, но надежное ядро боевых революционных солдат, давших на одном из своих собраний обещание—следить за семьей Романовых и, в случае попытки к бегству, живыми не выпускать из дома заключения ни бывшего царя, ни его семью.

Влияние этой группы постепенно распространилось почти на всех гвардейцев отряда. Не особенно считавшиеся с Панкратовым и Никольским раньше, они теперь стали игнорировать и даже враждебно относиться к ним.

В конце ноября был образован Солдатский Комитет охраны. С его организацией фактическая власть над Романовыми перешла к солдатам отряда. С этого момента

*) В. Панкратов—«С царем в Тобольске». «Былое», № 26, 1924 г. стр. 213.

в жизни тобольских заключенных произошла резкая перемена. Жизнь «двора», до того времени протекавшая чинно, по заведенному распорядку и никем не нарушаемая, теперь стала подвергаться всяческим изменениям и ограничениям. Солдатский Комитет старался установить для арестованных более жесткий режим, отменяя смягчения и поблажки, делавшиеся до сих пор Панкратовым и Кобылинским. Комитет начал с приближенных и прислуги. Последние пользовались по сравнению с семьей Романовых более значительной свободой: могли бывать не только в городе, но и в окрестностях. Это давно возбуждало недовольство солдат охраны, и они не раз предупреждали Панкратова, что если Долгоруков и другие не перестанут «шататься по городу, их побьют»*). Солдатский Комитет решил установить для них тот же режим, как для царской семьи. Свита и прислуга, жившие в отдельном доме, против б. губернаторского дома, были оттуда выселены и переведены все в дом, где жила царская семья. Эта мера была как нельзя более уместной в связи с попытками, которые предпринимались монархистами в целях освобождения Романовых. Теперь же связь их с царской семьей была значительно затруднена.

К этому времени относится и случай с вином, вылитым в Иртыш по настоянию солдат охраны. Затем, в связи с провозглашением священником Васильевым за молебном 19 декабря многолетия Романовым, Солдатский Комитет постановил запретить семье посещать церковь, разрешив производить богослужение дома в присутствии и под наблюдением дежурного солдата. С трудом удалось получить Кобылинскому разрешение от Комитета, чтобы семья посещала церковь в двунадесятые праздники. Этот случай вмешательства солдат в установление режима для царской семьи нашел очень хорошее отражение в дневнике графини Гендриковой. В нем мы читаем: «27-го

*) «Былое», № 26, 1924 г. В. Панкратов—«С царем в Тобольске», стр. 217.

января. В церкви не были. Солдаты постановили пускать в церковь только по двунадесятым праздникам»; «15-го февраля. Солдатский Комитет не позволил им и сегодня пойти в церковь». «17 февраля. Вчера и сегодня службы дома».

Несмотря на усиление режима, Романовы и их свита продолжали жить довольно весело. Председатель Отрядного Комитета этих дней т. Матвеев вспоминает, например, такую сценку: «Будучи дежурным офицером по отряду, часов около 11 вечера я вышел в коридор из комнаты дежурного, расположенной в нижнем этаже губернаторского дома. Этот коридор пересекается другими, выходящими к лестнице наверх, где жили Романовы. Выйдя в коридор, я услышал вверху необычайный шум; надо сказать, что в этот день у Романовых был какой-то семейный праздник, и обед у них затянулся до поздней ночи,—шум все усиливался, и вскоре по лестнице сверху спустилась веселая компания, состоявшая из семьи Романовых и их свиты, разодетая в праздничные наряды. Впереди шел Николай, одетый в казачью форму с полковничьими погонами и черкесским кинжалом у пояса. Вся компания прошла в комнату преподавателя Гиббеса, где и веселилась до 2-х часов ночи».

Узнав об этом, солдаты решили отобрать оружие и произвести у Романовых обыск. В результате его у Николая был отобран кавказский кинжал и шашки у Жильяра и Долгорукова. Вскоре после этого произошла история с погонами, особенно сильно взволновавшая обитателей тобольского заключения. 16 января на об'единенном собрании солдат местного гарнизона и отряда охраны было вынесено постановление о запрещении носить погоны офицерам и солдатам. Солдатский Комитет охраны решил потребовать, чтобы снял погоны и бывший царь.

«Понимая, как оскорбительно будет для него это требование,—пишет Соколов,—Кобылинский долго бо-

*) Н. Соколов—«Убийство царской семьи», стр. 34.

ролся с солдатами, грозя им и английским королем и германским императором». Но, видимо, солдат охраны нельзя было испугать «аглицким королем», т. к. они все же продолжали настаивать на проведении в жизнь своего решения, грозя в противном случае применить насилие. И Николаю пришлось разделить участь всех офицеров охраны: снять погоны, не ожидая помощи английского короля. Несмотря на обещание, данное представителю Отрядного Комитета,— снять погоны, Николай носил их у себя в комнате, а когда на другой день после разговора о погонах семья отправилась в церковь, Николай прятал погоны под буркой, а Алексей—под башлыком.

«Все эти истории,—говорит Кобылинский,—были мне тяжелы. Это была не жизнь, а сущий ад. Нервы были натянуты до последней крайности... И вот, когда солдаты вынесли постановление о снятии нами, офицерами, погонов, я не выдержал. Я понял, что больше нет у меня власти, и почувствовал полное свое бессилие. Я пошел в дом и попросил Теглеву доложить государю, что мне нужно его видеть. Государь принял меня в ее комнате. Я сказал ему: «Ваше величество, власть выскользает из моих рук. С нас сняли погоны, я не могу больше быть вам полезным. Если вы мне разрешите, я хочу уйти. Нервы у меня совершенно растрепались. Я больше не могу». Государь обнял меня одной рукой. На глазах у него навернулись слезы. Он сказал мне: «Евгений Степанович, от себя, жены и детей я вас прошу остаться. Вы видите, что мы все терпим. Надо и вам потерпеть». Потом он обнял меня, и мы поцеловались. Я остался и решил терпеть».

Не менее тяжело и мучительно переживал эти «истории» и Панкратов. Он, как и Кобылинский, понимал, что у него осталась лишь номинальная власть, а что всем распоряжаются солдаты, и также помышлял о том, как бы уйти.

«Мое положение,—пишет он,—становилось чрезвы-

чайно сложным и тяжелым,—единственная надежда, которая еще жила во мне, это—Учредительное Собрание, но и в нем я иногда сомневался, слишком оно запоздало. Все же я ждал созыва Учредительного Собрания и приготовил уже свое ему заявление, чтобы оно освободило меня от моей обязанности.

Надежда моя на Учредительное Собрание была единственная. С каким нетерпением приходилось ждать его созыва.

Даже Николай II неоднократно спрашивал: — А скоро ли будет созвано Учредительное Собрание?

— Полагаю, что во всяком случае не позже начала января,—отвечал я»*).

Можно сказать, что картина глубоко историческая и символическая: эсэр и глава монархистов—оба на коленях молят своего бога об Учредительном Собрании, связывая с ним все свои надежды на лучшее будущее.

Невыясненность положения с охраной Романовых, отсутствие связи с центром—заставили солдат охраны на одном из своих общих собраний постановить о посылке делегатов в Питер для доклада центральной Советской власти об условиях содержания под стражей семьи Романовых и получения директив. Были избраны делегаты от каждой роты по одному.

Появление их в Царском Селе, в комитетах трех полков, из которых они были откомандированы, произвело большое впечатление. Под влиянием сообщений буржуазных газет о пребывании царской семьи в Тобольске, о разложении отряда и о всевозможных попытках к освобождению бывшего царя силами монархистов, в широких солдатских и рабочих массах Питера создалось убеждение в том, что Романовых в Тобольске уже нет.

*) «Былое», № 26, 1924 г. В. Пашкратов—«С царем в Тобольске», стр. 217—18.

Побывав во ВЦИК'е и Совнаркоме и получив соответствующие инструкции и указания, делегаты выехали обратно в Тобольск.

Прибыв в отряд, они поставили на первом же общем собрании солдат вопрос об удалении из отряда охраны комиссара Панкратова и его помощника. Но в отряде нашлось еще значительное количество солдат, высказавшихся против их изгнания, ссылаясь на то, что они не противодействовали активно деятельности Комитета. Это вызвало большое возбуждение в остальной части собрания.

Собрание затянулось, и в результате никакого решения вынесено не было. Как бы предупреждая события, Панкратов поспешил подать в Комитет отряда заявление об уходе.

«Ввиду того,—говорилось в его заявлении,—что за последнее время в отряде особого назначения наблюдается между ротами трение, вызываемое моим присутствием в отряде, как комиссара, назначенного еще в августе 1917 г. Временным Правительством, и не желая углублять этого трения, я, в интересах дела общегосударственной важности, слагаю с себя полномочия и прошу выдать мне письменное подтверждение основательности моей мотивировки... В. Панкратов. Января 24 дня 1918 г. Тобольск».

В ответ на это заявление, Комитет согласился с уходом Панратова и выдал ему удостоверение, в котором говорилось: «Дано сие от Отрядного Комитета Отряда Особого Назначения комиссару по охране бывшего царя и его семьи Василию Семеновичу Панкратову в том, что он сложил свои полномочия ввиду того, что его пребывание в отряде вызывает среди солдат трения, и в том, что мотивы сложения полномочия Комитетом признаны правильными». Председатель Комитета (подпись Киреева). Секретарь (подпись Бобкова). 26 января 1918 г. Тобольск. Печать Отрядного Комитета.

Вместе с Панкратовым ушел и его помощник Ни-

кольский. Власть официально перешла в руки отряда.

«Все от солдат зависит,—писала с тревогой Александра своей подруге Вырубовой;—слава богу, оставляют нам нашего коменданта...» *)

Да, это было последним утешением для Романовых. С оставлением Кобылинского в отряде охраны оставался единственный человек, сочувствующий царской семье, т. к. вслед за уходом Панкратова и Никольского были уволены из охраны многие солдаты, оказавшиеся недостаточно надежными. На смену им в отряд прибыли новые солдаты из Петрограда.

*) Вырубова—«Записки», стр. 162.

ГЛАВА VIII.

Надежды на освобождение.

Вскоре после приезда делегатов отряда в Тобольск, из центра стали поступать указания, относившиеся к упорядочению режима и охраны бывшего царя. Первым крупным мероприятием центра было предложение перевести Николая и его семью на солдатский паек. Это распоряжение исходило от Народного Комиссариата Имуществ Республики и было получено в Тобольске 23 февраля. В той же телеграмме предлагалось установить для Романовых ограничение и в пользовании средствами, находившимися на их имя в различных банках. На каждого члена семьи было разрешено расходовать в месяц не более 600 руб., или 4.200 руб. на всю семью. В пределах этой суммы им предоставлялась возможность производить расход на улучшение пищи, прислугу и другие хозяйственные нужды.

Получив распоряжение центра, Солдатский Комитет охраны предложил Романовым вести свои расходы, строго сообразуясь с суммой, указанной в телеграмме. В связи с этим Романовым пришлось уволить 10 служащих и значительно сократить расходы на питание.

Новый режим был введен с 1-го марта. В этот день Жильяр записал в своем дневнике: «Вступил в силу новый режим. Начиная с сегодняшнего дня, масло и кофе исключены с нашего стола, как предметы роскоши». А через пару дней он с тревогой записывал: «Теперь с каждым днем все новые притеснения ложатся на приближенных к царю лиц, точно так же, как и на

царскую семью. Уже давно мы не можем выйти из дому иначе, как в сопровождении солдата; вероятно, нас скоро лишат и этой последней тени свободы» *).

Растущие со дня на день «неприятности» заставляют Романовых и их приближенных с лихорадочным нетерпением ожидать помощи монархистов, о подготовительной деятельности которых они осведомлены. Романовы умоляют их спешить, указывая, что с каждым днем побег становится все более затруднительным и что может быть упущен благоприятный момент. В ответ они получают утешительные сообщения, что не сегодня—завтра верные им монархисты выполнят свой долг и что они располагают достаточными для этого силами.

В эту помощь особенно верит бывш. царица, через которую идут все сношения с заговорщиками. Со слов последних, она уверяет окружающих, что в Тюмени уже организовался отряд в 300 офицеров, готовых каждую минуту оказать им помощь. Своей верой она заражает всех членов семьи и приближенных. 17 марта Жильяр записывал в своем дневнике, что все заключенные настаивают, чтобы Николай «держался наготове, на случай ожидаемой возможности» **).

Уверенность Романовых в скором освобождении была настолько велика, что когда через неделю из Омска прибыл отряд красногвардейцев в 100 человек, то они все были убеждены, что среди них много верных им офицеров под видом простых солдат. «На этих самых красногвардейцев,—пишет Соколов со слов очевидцев,—императрица показывала в окно и кричала по их адресу: «Хорошие русские люди»***).

Получая от различных монархических организаций, групп и кружков сведения, что ими подготовляется освобождение царской семьи, Александра имела все основа-

*) П Жильяр—«Трагическая судьба русской императорской фамилии», стр. 60—61.

**) Там же, стр. 61.

***) Н. Соколов—«Убийство царской семьи».

ния верить в эту скорую помощь. Не считая отдельных монархистов, по своему личному почину предлагавших Романовым услуги, с ними были связаны, как мы уже отмечали выше: Гермоген, распутинский кружок Вырубовой и петроградская организация, руководимая Марковым II-м. В январе 1918 года к ним прибавилась еще «Московская группа русских монархистов», также пославшая в Тобольск своего уполномоченного, некоего Кривошеина.

Организаций, озабоченных освобождением Романовых, как видим, было более, чем достаточно. Но все они между собой не были связаны и действовали самостоятельно и независимо друг от друга, т. к. каждая из них видела в другой прежде всего своего конкурента. Поэтому они очень мало заботились об об'единении своих действий,— напротив, стремились как-нибудь отстранить друг друга от столь почетной и высокой задачи, как спасение царской семьи.

Из всех монархических организаций распутинский кружок располагал наибольшими средствами, получаемыми им из различных источников на подготовку освобождения Романовых. Только от одного банкира и сахарозаводчика К. И. Ярошинского кружок получил для этой цели 175.000 руб. Это, как и близость кружка к бывш. царице, сразу поставило его в центре всей деятельности по оказанию помощи царской семье.

Петроградская организация, напротив, находилась на положении «бедного родственника», т. к. с переворотом лишилась тех средств, которые раньше в изрядном количестве притекали к ней из казенного сундука. Ее лидер Марков II-й пытался «ради общей цели» установить соглашение с Вырубовой, но неудачно. Вырубова деликатно отклонила предлагаемые услуги, дав, по словам Маркова, понять, что она желает действовать самостоятельно и независимо от него.

Когда петроградские монархисты все же послали в Тобольск своих людей, им из кружка Вырубовой, по

словам того же Маркова, сообщили, что они «совершенно напрасно пытаются установить связи с царской семьей, что там уже работают люди Вырубовой и что напрасно путаемся в это дело и неуместным рвением только компрометируем благое дело». И для большей острастки своего «бедного родственника» была сделана «ссылка на волю ее величества, что их работа вызывает опасения государыни».

Аналогичные отношения установились и между уполномоченным распутинского кружка Соловьевым и Гермогеном. Последний был выдвинут Марией Федоровной, матерью бывш. царя, которая, как известно, враждебно относилась к Александре Федоровне. Когда в августе Соловьев приехал первый раз в Тобольск и пытался установить с Гермогеном связь, то последний его не принял, повидимому, также видя в нем своего конкурента.

Еще хуже обстояло дело с «уполномоченными» этих организаций.

На первом месте в смысле связи и помощи бывш. царской семье, как и нужно было ожидать, оказался Соловьев. Из своего положения уполномоченного Соловьев в первую очередь заботился извлечь выгоду лично для себя, а затем уж для «обожаемого» монарха. По свидетельству целого ряда лиц, из поступавших к нему в большом количестве денег лишь незначительная сумма шла по назначению,—большая часть присваивалась Соловьевым. Его правой рукой в Тобольске был известный уже нам священник Алексей Васильев. Этот поп отличался не меньшим «сребролюбием», чем его патрон, и также «прикарманивал» значительную часть идущих через него денег.

В свой центр Соловьев и Васильев, по словам Дитерихса, доносили, что им удалось создать сильную группу в 300 человек и что, следовательно, нет необходимости присылать новых офицеров, так как дальнейшее увеличение организации опасно для дела, и требовали лишь присылки денег как для царской семьи, так и для

себя. Но из центра, несмотря на их «предупреждения», приезжали новые люди, посылаемые помимо распутинского кружка Вырубовой.

Боясь новых людей, которые могут отбить у них столь доходное дело, Соловьев и Васильев принимали меры к недопущению их в Тобольск. В отстаивании своих интересов они проявили большую настойчивость и смелость. В Тюмени ими было установлено нечто в роде заставы для всех лиц, пытавшихся пробраться в Тобольск с целью повидаться там с Романовыми.

По свидетельству приближенных бывшей царской семьи, живших с нею в Тобольске, Соловьев заставлял всех вновь приезжающих работать под своим руководством, добиваясь этого или рассказами о силе своей организации, или угрозами—в случае неподчинения выдать их местным властям.

В этом он достиг больших успехов. «Петроградские и московские организации,—как говорит Боткина-Мельник,—посылали многих своих членов в Тобольск и Тюмень; многие из них там даже жили по нескольку месяцев, скрываясь под чужими именами, но все они попадались в организацию о. Алексея и его главного руководителя поручика Соловьева, вкравшегося в доверие недальновидным монархистам».

Такая участь постигла и уполномоченного петроградской организации офицеров N и Маркова. Оба они нашли в Соловьеве и Васильеве достойных себе руководителей, будучи не менее их притязательными в денежных вопросах и не больше их обеспокоенными о судьбе «обожаемого» монарха. Между прочим, когда весной 1918 г. офицер N вернулся в Петроград, то, по словам Маркова II-го, из его доклада было видно, что «он абсолютно ничего не сделал для установления связи с царской семьей, что он ни разу не побывал в Тобольске, когда там находился государь император». Относительно другого офицера, своего однофамильца, Марков говорит, что «он производил впечатление молодого человека, из-

лишне смелого и чрезвычайно настойчивого и притязательного в денежных вопросах» *).

Вот на этих-то «хороших русских людей» и возлагали Романовы все свои надежды на освобождение.

Насколько верно, что монархисты располагали в Тобольске и Тюмени организацией в 300 человек, трудно сказать; во всяком случае, если говорить о строго конспиративной организации, то эта цифра явно преувеличенная. Одно несомненно, что люди у них были, и если все же не было сделано даже попытки к освобождению Романовых, то это произошло только потому, что руководители в это время были с головой заняты другими вопросами.

Как раз в то время, как Романовы с нетерпением ожидали помощи, вокруг поступающих средств возникла склока. Поп Васильев, прославившись своей близостью к семье (исповеди), а затем «многолетием» в церкви, скоро стал наряду с Соловьевым центральной фигурой для монархистов, и на его имя «друзья» стали слать в Тобольск посылки и деньги. Священник стал претендовать на первую роль и соответственно этому на увеличение своей доли из сумм, идущих на «организацию». Он встретил со стороны Соловьева отпор своим притязаниям. В результате они переругались и передрались между собой. Об этом, между прочим, Дитерихс пишет: «Пока от Соловьева поступали деньги, Васильев проявлял корректность. Но потом, повидимому, ему захотелось играть первенствующую роль, и тогда он стал лить на Соловьева ушаты помоев, получая от него в ответ таковые же»**).

Это послужило причиной тому, что они не сумели во-время использовать благоприятное положение для освобождения Романовых. А такие моменты у них были. По мнению Боткиной, одним из таких моментов был февраль 1918 г., когда настроение в охране, по ее словам, было самое благоприятное. Отряд состоял, главным

*) Н. Соколов—«Убийство царской семьи», стр. 96.

**) Дитерихс—«Убийство царской семьи», стр. 73.

образом, из старых гвардейских унтер-офицеров, георгиевских кавалеров, из которых почти все относились к их величествам дружелюбно. Целый взвод стрелков, во главе с поручиком Малышевым, заявлял, что в их дежурство они дадут возможность заключенным безопасно уехать»*).

Дитерихс считает, что время, самое подходящее для побега, было август—декабрь месяцы. «Но в этот момент,—плачется генерал,—центр монархистов ничем себя не проявил. Это время было наиболее благоприятным в составе самой охраны, особенно среди солдат бывшего 4-го императорской фамилии стрелкового полка, большая часть людей сама предлагала государю воспользоваться днями их дежурства для совершения побега» **).

Трудно сказать с определенностью, какой из этих моментов был более благоприятным; несомненно одно, что в том и другом случае побег можно было организовать.

Монархисты, упустив два таких удобных случая, лишились, как мы увидим ниже, возможности получить третий, хотя бы и менее благоприятный, т. к. в это время партийные и советские организации Урала и Омска решили покончить с неустойчивым положением в Тобольске. В феврале месяце из Омска в Тобольск был послан специальный комиссар В. А. Дуцман, в обязанности которого входило усиление наблюдения за заключенными и их охраной.

Вслед за ними в Тобольск прибыл из Омска отряд красногвардейцев в 100 человек, под начальством Демьянова. В этот день Жильяр записал в дневнике: ***) «...в тобольском гарнизоне это первые солдаты-большевики. У нас отнята последняя надежда на побег:».

Почти одновременно с Омском протянул свою руку к тобольским «узникам» и Красный Урал. Этим окончательно была устранена опасность освобождения Романовых.

---

*) Т. Мельник-Боткина—«Воспоминания». Харбин, 1920 г.

**) М. К. Дитерихс—«Убийство царской семьи». стр. 72.

***) П. Жильяр—«Трагическая судьба» и т. д., стр. 62.

ГЛАВА IX.

Советский Урал

Сотни лет под плетьми и батогами, по приказам временщиков—начальников края, томились уральские рабочие, переходя от сохи к домне, с покоса—в сырой первобытный рудник. Немудрено, что у населения горнозаводского Урала с давних лет вкоренилось чувство протеста против заводской каторги и поддерживавшего ее самодержавия.

Многочисленные заводские бунты, подавляемые с беспощадной жестокостью, выдвинули из массы уральского пролетариата целый ряд борцов, об'единившихся к революции 1905 года в ячейки с.-д. партии. Много лет Урал был окраиной, где прочнее всех из революционных организаций чувствовали себя большевики. После Февральского переворота партия вышла из подполья, имея уже надежное ядро работников, прочно связанных с самыми низами рабочих. Этим, между прочим, об'ясняется та сравнительная легкость, с которой была проведена Октябрьская революция на Урале.

Переход власти к Советам произошел фактически еще за несколько месяцев до переворота в Петрограде. Еще в августе 1917 г. постановлением Окружного Совета были национализированы такие крупные предприятия, как ткацкая фабрика Жирякова и Нязе-Петровский завод, Кыштымского округа.

После Октябрьской революции советское строительство пошло ускоренным темпом. Областной С'езд Советов, третий по счету, состоявшийся в Екатеринбурге в

феврале 1918 года, об'единил все Советы Урала. этом с'езде в Исполнительный Комитет были избраны почти исключительно большевики, представители заводов Урала. Исполнительный Комитет выделил президиум в составе: *А. Г. Белобородова* (председатель), *Г. Н. Сафарова*, *Б. В. Дидковского*, *И. Голощекина* (Филипп) и *Н. Г. Толмачева*.

Вопрос о положении Романовых в Тобольске и возможности их побега начал ставиться в частных совещаниях партийных организаций и Областного Совета с февраля 1918 года. Сообщения товарищей о наплыве в Тюмень и Тобольск офицерства и существовании там организации, поставившей целью освобождение Романовых, заставили еще внимательнее отнестись к этому вопросу.

В начале марта президиум Областного Совета постановил обратиться в ВЦИК с предложением о переводе Романовых в Екатеринбург. Не дожидаясь ответа центра, им было решено послать в Тобольск экспедицию, которая выяснила бы на месте положение и приняла предварительные меры к увозу царской семьи. Для выполнения этого постановления был спешно разработан предварительный план, по которому несколько групп надежных рабочих-большевиков должны были поехать в Тобольск и его окрестности. Были предположения, что, в случае побега, Романовых увезут или на Обдорск, где можно было сесть на английский пароход, или по тракту через Ишим—на Дальний Восток. На эти пути были посланы две боевые группы из надеждинских рабочих, которые и проехали с завода северным путем, через Никито-Ивдель и Укладовы Юрты, в Березов. Каждой группе было поручено следить за всеми проезжающими со стороны Тобольска в указанных направлениях и, в случае бегства Романовых, во что бы то ни стало задержать их.

Появление надеждинских рабочих в Березове возбудило, естественно, подозрение у местных властей. Власть

там еще находилась в руках агентов Временного Правительства, и экспедиция вскоре была арестована.

Одновременно из Екатеринбурга была выслана застава на дорогу Тобольск—Тюмень. В эту группу входили екатеринбургские рабочие. Они остановились в селе Голопутовском, где выдавали себя за торговцев. Здесь же жили несколько офицеров, находившихся в связи с организацией, подготовлявшей побег Романовых. Благодаря некоторым промахам со стороны «группы» (обилие новых «царских» денег, плохо спрятанное оружие, предательство квартирной хозяйки), участники ее были арестованы и приведены на сход, где при обыске у них были найдены документы, изобличающие их настоящую задачу в Голопутовском. По подстрекательству офицеров и кулаков, все члены группы были тут же убиты крестьянами. Впоследствии в Голопутовское была послана карательная экспедиция, которая и воздала должное защитникам царя.

Наиболее удачной оказалась экспедиция в самый Тобольск, обставленная более конспиративно. Туда была направлена одна из екатеринбургских партийных работниц Т. Наумова. В Ялуторовском уезде у нее жила мать, и приезд ее подозрений не возбудил. Вскоре за ней туда же приехал, под видом ее жениха, матрос Н. Хохряков. Вслед за ними поодиночке проехали с подложными «торговыми» паспортами т. Заславский и позже А. Т. Авдеев. Этой группе Областным Советом даны были чрезвычайные полномочия по принятию всех мер к недопущению освобождения Романовых. В помощь им в начале апреля был выслан небольшой отряд надежных красногвардейцев, пробравшихся в Тобольск небольшими группами и поодиночке. Часть из них были латыши.

Слухи о прибытии этой группы произвели в Тобольске большое беспокойство. Монархисты в этой конспиративной организации чувствовали определенную угрозу себе. Охрана Романовых тоже беспокоилась. Вол-

новались и представители Омска—Дуцман и Демьянов, не зная точно планов приехавших в Тобольск уральцев. Дело дошло даже до ареста Хохрякова. Только переговоры с Омском и Екатеринбургом устранили взаимное недоверие.

В подобной обстановке говорить о перевозке Романовых на Урал было невозможно, т. к. и охрана Романовых и омичи требовали на это разрешения центра. Считаясь, однако, с нерешительностью омичей, уральцы принимали все меры к тому, чтобы подчинить все отряды своему влиянию, чего отчасти им и удалось добиться.

Одновременно с этим уральцы, совместно с бывшими в Тобольске коммунистами, повели агитацию за перевыборы Совета. В результате этой кампании меньшевики, эсэры и кадеты были изгнаны из Совета, и председателем нового Совета был избран упомянутый выше Хохряков. С этих пор Совет начал принимать близкое участие в деле охраны Романовых. Между прочим, на одном из его первых заседаний было решено перевести Романовых и их свиту «на гору», в тюрьму, где с этой целью было приступлено к ремонту помещения. Впоследствии необходимость такого перевода отпала сама собой, т. к. ВЦИК'ом было решено перевезти Романовых из Тобольска в Екатеринбург.

Одновременно с посылкой экспедиции в Тобольск Уральский Областной Исполком начал переговоры с центром о переводе Романовых на Урал. В Москву, куда в это время переехало центральное Советское Правительство, был командирован член президиума Совета—Областной Военный Комиссар *И. Голощекин.* На заседании ВЦИК'а им был сделан доклад о положении дел в Тобольске и о необходимости принятия срочных мер по отношению к царской семье. Президиум ВЦИК'а согласился на перевод Николая Романова в Екатеринбург, при условии личной ответственности за него Голощекина, старого партийного работника, хорошо известного ЦК партии. Для организации перевозки бывшего царя

ВЦИК решил послать особого комиссара, о чем было сообщено через Голощекина Уралсовету.

В Екатеринбурге в это время от Хохрякова и Заславского получились неутешительные вести о растущем к ним недоверии со стороны охраны и омичей, об общем оживлении со стороны монархистов, находившихся в большом числе в Тобольске.

В апреле И. Голощекин был командирован по партийно-советским делам в Уфу. Здесь он встретился с особоуполномоченным ВЦИК'а Яковлевым, у которого был мандат на перевоз Николая Романова из Тобольска в Екатеринбург и передачу его Уралсовету, под ответственность Голощекина.

В Уфе в распоряжение Яковлева, для охраны Романовых в пути, был предоставлен конный отряд из рабочих Миньярского завода, под начальством Зенцова, называвшийся раньше «отрядом по охране народного достояния». К этому отряду были присоединены еще 60 уфимских боевиков с несколькими пулеметами. Кроме того, Голощекин, с своей стороны, сделал распоряжение о подчинении Яковлеву в Тобольске Хохрякова, Заславского, Авдеева и вообще всех уральских отрядов.

Спустя несколько дней Яковлев со своим отрядом выехал через Челябинск в Екатеринбург. Только в дороге руководителям и некоторым партийным работникам отряда была об'явлена задача экспедиции *).

Ознакомившись по приезде в Екатеринбург с положением дел, Яковлев выехал в Тюмень. Здесь его встретил Авдеев, командированный из Тобольска за новыми подкреплениями и полномочиями, т. к. положение в Тобольске со дня на день ухудшалось.

Встретив Яковлева и получив от него предписание Голощекина присоединиться к новой экспедиции, Авдеев вместе с Яковлевым, Зенцовым и отрядом вернулся в Тобольск.

---

*) Зенцов--«Воспоминания».Уфа.

Несколько раньше Уральский Областной Исполком, получая из Тобольска тревожные сведения и не имея точных директив центра, решил выслать в Тобольск новое подкрепление в составе одной роты, под командой Бусяцкого. Новому отряду дано было задание доставить Николая Романова «живым или мертвым», для чего Бусяцкий должен был совместно с Хохряковым и другими разработать в Тобольске план действий, об'единив все силы, поддерживающие уральцев, и, в случае надобности, открыть военные действия против защитников Романовых.

Отряд Бусяцкого проехал Тюмень на день—два раньше Яковлева. Предварительное изучение настроения в попутных деревнях уже показало, что кулацкое население этих деревень вполне подготовлено к бегству Романовых и готово оказать и им, и организаторам их бегства всяческую поддержку.

В этом не было ничего удивительного. Если в Тобольске, благодаря энергии уральцев, удалось создать и осуществить твердую власть Советов, то в окрестностях и даже в самой Тюмени ее фактически не было. Достаточно сказать, что в эти дни в Тюмени на одной и той же улице существовало два штаба и висели две вывески. На одной была об'явлена запись в Красную армию, на другой красовалось: «Принимается запись добровольцев в Народную армию». В штабе «Народной армии» вы могли всегда встретить офицерство—и местное, и приезжее. Это была уже прочная организация, готовая к выступлению против Советской власти за освобождение Романовых из Тобольска.

Отряд Бусяцкого продвигался сравнительно медленно, и конный отряд Яковлева скоро его нагнал. Оба отряда об'единились и под общим руководством Яковлева двинулись дальше и 22 апреля прибыли в Тобольск.

ГЛАВА X.

Мимо Урала нет пути.

Приезд комиссара из Москвы сильно взволновал обитателей губернаторского дома. «Большой мандат» Яковлева, в котором говорилось, что вся охрана Романовых переходит в его ведение, и неисполнение распоряжений комиссара будет караться вплоть до расстрела, производит сильное впечатление на всех заключенных. 22 апреля Жильяр записал в своем дневнике: «Сегодня прибыл московский комиссар с небольшим отрядом; его фамилия Яковлев. Все тревожатся, томятся. В приезде комиссара чувствуется угроза, хотя пока неопределенная, но реальная»*).

На другой день после приезда в Тобольск, Яковлев явился в дом губернатора и опросил всех заключенных, не имеют ли они каких претензий или жалоб на охрану. Никаких заявлений от Романовых не поступило. Здесь же Яковлев выяснил, что увоз бывш. царской семьи усложняется болезнью Алексея, который, в связи с приступом гемофилии, не мог вставать с постели. Несмотря на это неожиданное затруднение, Яковлев все же решил увезти из Тобольска хотя бы одного Николая.

25-го апреля, днем, Яковлев об'явил Романову, что он должен увезти его из Тобольска.

Николай, не задумываясь, резко ответил:—«Я никуда не поеду!», повернулся и ушел в свою комнату, где его ожидали Александра и наиболее близкие из приближенных, в том числе и полковник Кобылинский.

*) П. Жильяр—«Трагическая судьба» и т. д., стр. 63.

При обсуждении создавшегося положения, Кобылинский высказал предположение, что бывшего царя, вероятно, хотят везти в Москву, и в доказательство этого сослался на расчет времени, который производил Яковлев накануне, в связи с необходимостью вернуться обратно в Тобольск за больным Алексеем. Это предположение показалось участникам семейного совета весьма достоверным, и было решено, что Николай должен подчиниться. Тогда Александра заявила, что и она едет вместе с Николаем, т. к. не решается его отпустить одного, боясь, что он сделает какую-либо «глупость». «При этом,—говорит Кобылинский,—она упомянула что-то про Родзянко. Безусловно, государыня намекала на акт отречения государя от престола»**).

В тот же день Яковлев вновь пришел в губернаторский дом и вызвал Романова. Николай вышел не один, его сопровождала жена.

На вопрос Яковлева, подчинится ли Николай распоряжению Советской власти о выезде из Тобольска, ответила Александра: «Да, он поедет, только я его одного не пущу, а с ним поеду и я». Николай лишь спросил, когда надо ехать.

Ехать было решено в тот же день, ночью. Так как река еще не вскрылась, переезд до Тюмени—260 верст—необходимо было сделать на лошадях.

Яковлев предложил Романовым взять с собой еще несколько человек, указав на желательность меньшего количества сопровождавших,—река Тобол скоро вскроется, и тогда легко будет доставить остальных с багажем на пароходе.

Ведя переговоры с Романовыми, Яковлев, как это подтверждают Матвеев и Жильяр, заявил определенно, что их везут в Москву. Александра Федоровна выразила по этому поводу сомнение,—т. к. слухи о переводе Романовых на Урал ходили в Тобольске со времени приезда туда екатеринбуржцев,—и спросила Яковлева,

**) П. Соколов—«Убийство царской семьи», стр. 45

окончательно ли решен этот вопрос. Яковлев ответил утвердительно.

Чем руководствовался он в это время, имея предписание везти семью на Урал,—трудно сказать.

Накануне от'езда по городу стали распространяться слухи, что Яковлев намерен, вопреки решению центра, везти Романовых не на Урал, а в Москву. Поведение Яковлева, вызывавшее и ранее немало подозрений, заставило уральцев обратить внимание на эти слухи. По инициативе уральцев, было организовано при Исполкоме совещание. На нем всеми высказывалось определенное недоверие к Яковлеву и было постановлено, в случае необходимости, произвести нападение на его отряд в пути с целью отбить Романовых.

Со своей стороны Яковлевым было созвано общее собрание солдат тобольской охраны, от которых он хотел заручиться доверием и поддержкой.

Нужно сказать, что солдаты охраны не совсем доверчиво относились к Яковлеву и на собрании потребовали от него, чтобы они также сопровождали Романовых. Яковлев решительно воспротивился этому, указывая на надежность своего отряда. Солдаты настаивали. В конце концов он согласился взять из охраны 8 человек, которые и были им лично выделены тут же, на собрании. Таким путем Яковлеву удалось заручиться доверием охраны, и тем было упрочено его положение в Тобольске.

На семейном совете Романовых решено было, что с Николаем поедут, кроме Александры: дочь Мария, доктор Боткин, Долгоруков, Чемодуров (камердинер Николая), Демидова (горничная Александры) и Седнев (слуга княжен).

Хотя переезд в Москву и был, в глазах Романовых, более желательным, чем на Урал, тем не менее они понимали, что как в том, так и в другом случае их надежды на побег рушатся окончательно. Еще дня за два до от'езда они посылают в московскую организацию

монархистов, по условному шифру, тревожную телеграмму, прося совета и помощи. В ней говорилось: «Врачи потребовали безотлагательного от'езда на юг, на курорт. Такое требование нас чрезвычайно тревожит. Считаем поездку нежелательной. Просим дать совет. Положение крайне трудное».

Упоминавшийся нами монархист Кривошеин говорит, что ответ был, примерно, такого содержания: «Ни каких данных, которые могли бы уяснить причины подобного требования, к сожалению, не имеется. Не зная положение больного и обстоятельств, высказаться определенно крайне трудно, но советуем поездку по возможности отдалить и уступить лишь в крайнем случае только категорическому предписанию врачей». Спустя короткое время тем же порядком из Тобольска была получена вторая телеграмма: «Необходимо подчиниться врачам» *).

Несмотря на подчинение предписанию «врачей», Романовы страстно желают, чтобы момент от'езда был отдален.

Последней надеждой для них был разлив реки Тобола, который должен был произойти со дня на день.

«Я знаю, я убеждена,—говорила Александра накануне от'езда,—что река сегодня же пойдет вечером, и тогда от'езд волей-неволей должен отложиться. Это даст нам время, чтобы выйти из этого ужасного положения. Если надо чуда, я убеждена, что чудо будет» **).

Но чуда не совершилось.

К четырем часам утра 26 апреля на двор губернаторского дома поданы были подводы. Ехать весь перегон до Тюмени можно было только на местных тарантасах-коробках. Удалось найти лишь один тарантас крытый, на подобие кареты.

В шесть часов утра пассажиры разместились по экипажам. С Николаем Романовым сел сам Яковлев, в

*) Н. Соколов —«Убийство царской семьи», стр. 105.
**) Там же, стр. 46.

крытую повозку сели Александра с Марией; остальные разместились в других коробках, и поезд двинулся в путь, окруженный конным отрядом Яковлева и восемью солдатами тобольской охраны, с двумя пулеметами.

Сразу пришлось переправляться через реку Иртыш. Лед был уже слабый, и переправа сопряжена была с известным риском. Колеса наполовину были в воде. Медленно, но благополучно поезд перебрался через реку.

Заранее по пути намечены были остановки, где приготовлялось путем «сгона» необходимое число подвод. Задержка выходила только из-за крытой повозки, которую приходилось перепрягать. На остановках Яковлев был весьма любезен с Романовыми и большею частью проводил время около Александры и Марии, развлекая их разговорами.

Ночевка назначена была в селе Бочалино, на берегу Тобола, при впадении в нее Тавды под с. Иовлевым. Сюда приехали уже довольно поздно. Для ночлега был отведен двух-этажный дом.

Наружная охрана дома была поручена отряду Яковлева, а на внутреннюю были поставлены восемь человек, взятых из тобольской охраны. У Романовых были с собой походные кровати, благодаря которым они расположились в отведенной им комнате с некоторым удобством.

Несколько раньше в Иовлево приехал Заславский с небольшим отрядом и пулеметами. За отрядом Яковлева следовали, под командой Бусяцкого, уральцы, которые также остановились в Бочалине. У них окончательно установилось мнение о ненадежности Яковлева. В первый момент даже мелькала мысль о необходимости отбить у него царскую семью. Подозревая об этом, Яковлев, не дожидаясь нападения со стороны уральцев, вызвал к себе помощника Бусяцкого и арестовал его. Однако, столкновения не произошло, т. к. Яковлев освободил арестованного. Заславский же отказался от напа-

дения на отряд, считая более целесообразным настаивать на доставке Романовых в Екатеринбург.

В 8 часов утра Яковлев с Романовыми отправился в дальнейший путь. Река Тобол, через которую предстояла новая переправа, уже местами вскрылась, и для предосторожности решено было перейти на другой берег пешком, частью по льду, а местами, через полыньи, по наскоро сколоченным мосткам.

К вечеру приехали в Покровское. Ожидавшая поезд смена лошадей расположилась как раз против дома Распутина. Во всех окнах распутинского дома были люди, махавшие белыми платками. Александра, сидя в своем тарантасе, отвечала на приветствия.

На последней остановке перед Тюменью «путешественников» встретил председатель Тюменского Совета Немцев. После переговоров с Яковлевым, он выехал в Тюмень, а через некоторое время туда двинулся и отряд Яковлева с Романовыми. Из Тюмени навстречу был выслан эскадрон кавалерии, встретивший их в нескольких верстах от города.

27-го апреля, поздно вечером, приехали в Тюмень, где подан был поезд для дальнейшего следования в Екатеринбург. Романовы были помещены в средних купе вагона 1-го класса; боковые купе были заняты Яковлевым и частью охраны. Посадку в вагоны закончили к часу ночи. В это время на станцию приехал Немцев, и Яковлев вместе с ним пошел на телеграф, к прямому проводу с Москвой. Вернувшись с «провода», Яковлев сообщил своим товарищам и Авдееву, которого из вагона от себя уже не отпускал, что, по распоряжению центра, он должен везти Романовых не в Екатеринбург, а в Москву, через Омск—Челябинск—Самару. Авдееву удалось сообщить об изменении маршрута товарищам из отряда уральцев с просьбой известить об этом Екатеринбург.

Около 5-ти часов утра 28 апреля поезд с Романовыми двинулся по направлению к Омску. Впоследствии

выяснилось, что Яковлев, зная, что Романовых на Урале ждет расстрел, решил спасти их и думал по пути на Самару высадить их и скрыть на время в горах Симского округа.

Еще до от'езда Яковлева из Тобольска, президиум Областного Совета Урала выслал в Тюмень специального комиссара, который по телеграфу должен был регулярно сообщать президиуму о движении Романовых от Тобольска до Тюмени и своевременно уведомить об отходе поезда в Екатеринбург. По всем расчетам, поезд должен был выйти из Тюмени рано утром 28 апреля. Внезапно поступление телеграмм из Тюмени прекратилось и условленной на 6 часов утра телеграммы об отправке поезда не было получено. На запросы президиума Областного Совета также никакого ответа не поступило, и лишь в 10 часов утра пришло сообщение, что поезд рано утром ушел из Тюмени, при потушенных огнях на всех стрелках, по направлению на Омск. Телеграмму об этом дал Бусяцкий, приехавший со своим отрядом в Тюмень уже после от'езда оттуда Яковлева.

Было созвано экстренное собрание президиума Совета с участием представителей областных комитетов партии коммунистов и левых эсэров. Совещание решило об'явить Яковлева изменником революции и дать о случившемся телеграмму «всем, всем...»

В этой телеграмме, разосланной немедленно, было указано, что Яковлеву ВЦИК поручил организовать и произвести перевозку Романовых из Тобольска в Екатеринбург. Несмотря на это, без ведома Уралсовета, он направил поезд на Омск. Телеграмма заканчивалась об'явлением Яковлева изменником революции и ставила его вне закона.

Одновременно Областной Совет снесся по прямому проводу с Омском, где председателем Сибзапсовета был в это время старый коммунист т. Косарев, и потребовал от него немедленных и решительных мер для противодействия про-

езду поезда в Сибирь или на Челябинск (через ст. Куломзино). Омский Совет немедленно выслал значительные силы на ст. Куломзино, дав распоряжение остановить поезд Яковлева и повернуть его обратно в Тюмень.

В эти дни в Екатеринбурге происходила 4-я Уральская областная конференция Р.К.П. (б.), на которую съехалось 102 делегата от 57 организаций Урала, представлявших 30.278 членов партии.

Конференция одобрила действия партийного комитета и Областного Совета, и в частном совещании большинство делегатов с мест высказывалось за необходимость скорейшего расстрела Романовых, чтобы в будущем предупредить все попытки к освобождению бывшего царя и восстановлению в России монархии.

Направив поезд на Омск, вопреки указаниям Москвы и Областного Совета Урала, Яковлев пытался убедить ехавшего с ним в одном купе Авдеева в том, что целесообразнее везти Романовых в Москву, т. к. при назначении его в эту ответственную командировку в личной инструкции ему было указано на необходимость охраны Романовых от всяких покушений, а со стороны Заславского Яковлев боялся покушения на жизнь Романовых.

Авдеев протестовал против действий Яковлева, но, будучи в вагоне один и являясь фактически заложником-уральцем, а не полномочным представителем Уралсовета, принужден был продолжать с ним путешествие на Омск.

С приближением к Омску Яковлев узнал от железнодорожной администрации о телеграмме Уралсовета. От администрации же он узнал, что Омск готовится задержать поезд и выслал с этой целью вооруженные части на ст. Куломзино, откуда поезд должен был свернуть на Челябинск. Яковлев устроил совещание со своими помощниками и решил остановиться на ст. Люблинской, откуда с паровозом и одним вагоном, в сопровождении

нескольких своих товарищей, он выехал ночью 28 апреля в Омск.

В Омске представитель Западсибсовета, на основании переговоров с Уралсоветом, предложил ему везти Романовых в Екатеринбург. Яковлев настоял на новых переговорах по прямому проводу с Москвой. Совместно с представителем Западсибсовета он вызвал к прямому проводу Я. М. Свердлова и изложил обстоятельства, по которым он решил изменить маршрут. Из Москвы было получено предложение везти Романовых в Екатеринбург, где и сдать их Областному Совету Урала.

Видя, что силой через Куломзино не проедешь, Яковлев решил на этот раз подчиниться распоряжению центра.

Со ст. Люблинской поезд пошел обратно на Тюмень. Хотя действительная причина изменения маршрута от Романовых скрывалась, и возвращение поезда было об'яснено порчей жел.-дор. моста, но из отрывочных разговоров и недомолвок Романовы, видимо, поняли, что их везут уже не в Москву.

Тюмень проехали ночью. Здесь поезд поджидал Бусяцкий со своим отрядом. Как только выяснилось, что поезд прошел, не останавливаясь, Бусяцкий заказал новый состав и двинулся вслед за Яковлевым.

В Камышлове утром Бусяцкий встретил командира своего полка Брайницкого, который с батальоном был послан навстречу Яковлеву, но поезда не видал. Вновь возникли сомнения, не свернул ли Яковлев со своим поездом по ветке из Богдановича на Шадринск. Из разговоров по проводу выяснилось, что поезд идет в Екатеринбург и Богданович уже прошел.

Утро 30 апреля застало Романовых в большой тревоге. П. М. Матвеев так рассказывает о настроении Николая перед приездом в Екатеринбург:

«Под'езжая к Екатеринбургу, я велел своим ребятам приготовиться, оделся сам и вышел на площадку вагона для того, чтобы проинструктировать часовых. Возвра-

тившись в вагон, встретил Николая, выходящего из купе, где помещался я и другие товарищи.

Романов вдруг меня спрашивает:

—Скажите, вопрос определенно решен, что мы останемся в Екатеринбурге?.

Получив от меня утвердительный ответ, он сказал:

—Я бы поехал куда угодно, только не на Урал.

На мое указание, что не все ли равно, куда ехать, раз везде в России Советская власть, он ответил, что все-таки на Урале ему оставаться не хочется, т. к., судя по местным газетам, уральские рабочие настроены резко против него»*).

Когда поезд остановился на станции «Екатеринбург I», выяснилось, что к его приходу собралась громадная толпа, требовавшая показать ей Романовых. По соглашению с представителем Областного Совета, было решено поезд отвезти обратно на ст. «Екатеринбург II-й», лежащую с другой стороны города. Там и должны были высадить Романовых.

*) Из неизданной рукописи П. М. Матвеева: «Царское село—Тобольск—Екатеринбург».

ГЛАВА XI.

В столице Урала.

На станции прихода поезда ожидали представители Областного Совета—Белобородов и Дидковский, которым Яковлев и должен был передать Романовых. Последние были посажены в автомобиль, на переднее сиденье которого, рядом с шоффером, сел Дидковский. На втором автомобиле поехали Белобородов и Авдеев. Оба автомобиля без всякой охраны проехали в город.

Еще до приезда Романовых в Екатеринбург, для них, по распоряжению Совета, был приготовлен особняк инж. Н. Н. Ипатьева на углу Вознесенского проспекта (теперь ул. Карла Либкнехта) и Вознесенского переулка, расположенный на вершине холма, господствующего над городом. По Вознесенскому переулку начинается спуск к большому пруду, расположенному в центре города, и, таким образом, дом Ипатьева находится на косогоре, так что из двух этажей нижний с одной стороны полу-подвальный, с другой—находится выше уровня улицы. Вход в верхний этаж с площади, при чем между уровнем площади и под'ездом устроен спуск для экипажей и пешеходов. Здание было выбрано удачно, как находящееся в центре города и удобное в стратегическом отношении.

Владельцу дома предложено было в 24 часа освободить дом. Все вещи, кроме мебели, были снесены в кладовые, приняты под расписку представителей Совета и опечатаны. Вокруг дома был устроен наскоро забор, защищающий дом от взглядов с улицы. Впоследствии по фасаду дома по косогору и с площади, а также вдоль сада, находящегося ниже дома, был поставлен второй высокий забор.

Вечером того же дня было созвано совещание Областного Исполкома, на которое вызвали Яковлева. Последний явился на заседание с некоторыми из своих товарищей и гвардейцами тобольской охраны. Исполком заслушал доклады Заславского и Авдеева. Они указывали на недопустимое «верноподданническое» отношение Яковлева с Романовыми и в Тобольске, и во время пути и требовали немедленного производства обыска в поезде, обезоружения гвардейцев и ареста Яковлева.

На пред'явленные к нему обвинения Яковлев отвечал, что хотя он и получил в Москве распоряжение доставить Романовых в Екатеринбург, однако, имея словесное указание Я. М. Свердлова — охранять Романова всеми средствами—и учитывая настроение в Тобольске Заславского и Авдеева, подготовлявших, по его убеждению, покушение на Романовых, он решил донести ВЦИК о своих опасениях, связанных с переводом Романовых на Урал. Разговоры с ВЦИК велись по прямому проводу, и Яковлев представил Уралсовету ленты аппарата. Из этих записей видно было, что Яковлев, не доверяя Уралсовету и стремясь сохранить «особу» Николая Романова, просил у ВЦИК разрешения увезти бывшего царя к себе на родину, в Уфимскую губернию, и, до поры до времени, скрыть в известном ему месте — «в горах». ВЦИК это предложение, конечно, отверг.

Тогда Яковлев, по его словам, не решаясь ехать в Екатеринбург прямо из Тюмени, т. к. боялся нападения на поезд со стороны Заславского, повез Романовых окружным путем, через Омск (Куломзино) и Челябинск.

Конечно, об'яснения эти Уралсовет не удовлетворили, но поскольку Романовы были уже под надежной охраной в доме Ипатьева, решено было Яковлева отпустить в Москву. Ему была выдана официальная расписка за подписью председателя Совета Белобородова и его заместителя Дидковского в том, что Уралсовет получил доставленных из Тобольска: 1) бывшего царя Николая Александровича Романова, 2) бывшую царицу

Александру Федоровну Романову, 3) быв. великую княжну Марию Николаевну Романову, для содержания их под стражей в гор. Екатеринбурге.

Яковлев и его отряд уехали, а 8 гвардейцев прежней охраны, во главе с прапорщиком Матвеевым, были разоружены и отправлены обратно в Тобольск.

Назначение Яковлева чрезвычайным комиссаром ВЦИК было, безусловно, ошибочно. Впоследствии он изменил революции. После возвращения в Москву он был назначен на Самарский фронт и в октябре 1918 года имел замыслы перейти со своей армией к Колчаку, но армия за ним не пошла, и он бежал к белым с несколькими офицерами.

Вскоре в уфимских белогвардейских газетах появилось его письмо, в котором Яковлев раскаивался в своих большевистских «грехах». По словам Р. Вильтона, Яковлев получил затем назначение на южный фронт в одну из белых армий.

Как только открылась навигация, оставшиеся члены царской семьи были также перевезены в Екатеринбург. 20 мая их поместили на тот же пароход «Русь», на котором они приехали в Тобольск. С ними отправилось 27 человек «свитских» и прислуги.

Рано утром 23 мая дети Романовых приехали на ст. Екатеринбург, откуда их на извозчиках отвезли в дом Ипатьева. Из сопровождавших их в Екатеринбург ген. Татищев, Гендрикова, Шнейдер и Волков были сразу отправлены в тюрьму. Через несколько дней туда же были отправлены: Чемодуров, Нагорный, Иван Седнев, приехавший вместе с бывш. царем еще в апреле. К Романовым были допущены лишь 5 человек: доктор Боткин, повар Харитонов, лакей Трупп, поваренок-ученик Леонид Седнев и комнатная девушка Демидова.

Всем остальным, кроме заключенных в тюрьму и доктора Деревенько, было предложено покинуть пределы Урала. Деревенько было разрешено остаться в Екатеринбурге, где он и проживал на свободе.

Только теперь, с переездом на Урал, Романовы действительно были переведены на режим арестованных. Они находились под самым бдительным надзором охраны. состоявшей из рабочих бывшей фабр. братьев Злоказовых и Сысертского завода. «Достаточно простого взгляда на чертежи Ипатьевского дома,—пишет Н. Соколов,—чтобы понять, что при такой системе караулов царская семья была в западне, в безвыходном положении».

Внутренний режим жизни Романовых также значительно изменился. Не было уже того довольства, той, сравнительно, большой свободы, которой они пользовались в Тобольске.

«День проходил обычно так,—рассказывает камердинер Чемодуров:—утром вся семья пила чай; часа в 2—обед, который присылали уже готовым из местного Совета Рабочих Депутатов (из местной советской столовой—*П. Б.*); обед состоял из мясного супа и жаркого, на второе чаще всего подавались котлеты; к ужину подавались те же блюда, что и к обеду. Прогулка по саду разрешалась только один раз в день, в течение 15—20 минут... День и ночь в верхнем этаже стоял караул из трех красноармейцев: один стоял у наружной входной двери, другой в вестибюле, третий близ уборной» *).

Как видим, обстановка жизни Романовых в доме Ипатьева мало напоминала их тобольское заключение

---

*) Н. Соколов—«Убийство царской семьи», стр. 128.

ГЛАВА XII.

Последние дни Романовых.

Установив надежный надзор за Романовыми и приняв меры к предупреждению каких-либо покушений на освобождение их из «дома особого назначения» (так назывался в то время дом Ипатьева), Областной Совет занялся вопросом о дальнейшей участи семьи.

На одном из своих заседаний Совет единодушно высказался за расстрел Николая Романова. Все же большинство Совета не хотело брать на себя ответственности, без предварительных переговоров по этому вопросу с центром. Решено было вновь командировать в Москву Голощекина для того, чтобы поставить вопрос о судьбе Романовых в ЦК партии и президиуме ВЦИК.

В Москве этот вопрос также занимал руководителей центральных организаций. Когда Голощекин в первый же день явился в президиум ВЦИК, то он, между прочим, встретил у Свердлова представительницу ЦК партии эсэров М. Спиридонову, настаивавшую на выдаче Романовых эсэрам для расправы с ними.

Президиум ВЦИК склонялся к необходимости назначения над Николаем Романовым открытого суда. В это время созывался 5-й Всероссийский С'езд Советов. Предполагалось поставить вопрос о судьбе Романовых на С'езде,—о том, чтобы провести на нем решение о назначении над Романовыми гласного суда в Екатеринбурге. Как главный обвинитель бывшего царя в его преступлениях перед народом, на суд должен был выехать Л. Троцкий.

Однако, по докладу Голощекина о военных действиях на Урале, где, в связи с выступлением чехо-словаков, положение не было прочно, и можно было ожидать скорого падения Екатеринбурга, вопрос был перерешен. Постановлено было вопроса на Съезде, который мог затянуться, не ставить. Голощекину предложено было ехать в Екатеринбург и к концу июля подготовить сессию суда над Романовыми, на которую и должен был приехать Троцкий.

Действительно, гражданская война на Урале все разрасталась. Выступившие в начале зимы дутовские казачьи банды были разбиты силами партизанских отрядов уральских рабочих, но на смену Дутову пришли чехо-словаки. Чехо-словацкий мятеж сразу превратил Урал и Зауралье в арену ожесточенных битв полупартизанских рабочих отрядов с регулярными чехо-словацкими частями, пополненными силами белогвардейского офицерства и добровольцев. Екатеринбургу, как центру Красного Урала, пришлось в ударном порядке формировать из уральских рабочих дружины, отряды, полки, из которых впоследствии были построены первые части регулярной Красной армии.

Опасность сдачи Урала белогвардейским бандам была слишком очевидна, и на борьбу с ними отдавались все силы. Немудрено, что в этой обстановке широкие массы трудящихся мало интересовались судьбой бывшей царской фамилии, сидевшей под надежной охраной.

Между тем, с первых дней перевода Романовых в Екатеринбург сюда стали стекаться в большом количестве монархисты, начиная с полупомешанных барынь, графинь и баронесс всякого рода, вплоть до монашек, духовенства и представителей иностранных держав.

Корреспонденция, поступавшая от них на имя Николая, состояла преимущественно из поздравительных писем и соболезнований. Нередко проскальзывали и письма явно ненормальных людей, с описанием своих снов, видений и т. п. ерунды.

Просьбы о свидании как с Николаем, так и с другими представителями дома Романовых были довольно часты. Мотивировки были самые разнообразные: «повидаться, т. к. состоят в родстве», «услужить, что надо будет» и т. д. Но доступ к Николаю был ограничен чрезвычайно узким кругом лиц из членов Областного Совета Урала. Вообще же разрешения на свидания с Николаем давались ВЦИК. Поэтому бесконечные попытки тех или иных лиц проникнуть на свидание кончались неудачей.

Почти одновременно с переводом семьи Романовых в Екатеринбург были высланы из Вятки и другие члены семьи. Сюда приехали бывшие вел. князья: Сергей Михайлович, Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван Константинович и князь Палей, сын вел. князя Павла Александровича. Здесь же находилась и высланная из Москвы вдова убитого в свое время вел. кн. Сергея Александровича—Елизавета Федоровна. Все эти лица жили в гостиницах под сравнительно слабым надзором и свободно разгуливали по городу. Среди екатеринбургской буржуазии было много доброжелателей, охотно приглашавших «высоких гостей» на свои закрытые вечеринки, где создавалась тайная организация для освобождения Романовых.

Об этом рассказывает на страницах монархического журнала некто Е. Семчевская, жена офицера академии генштаба. По ее словам, на устраиваемых «интимных вечерах» с участием великих князей быстро удалось создать активную группу из 37 офицеров, «готовых на все» для спасения династии. Однако, последние предпочли уйти из города к чехо-словакам, «чтобы ускорить падение Екатеринбурга и тем освободить членов царской семьи» *).

По свидетельству Дитерихса **), в середине июня из Одессы приехал в Екатеринбург видный монархист—

*) «Двуглавый Орел». Берлин, 21 г. № 15, «Воспоминания о вел. князьях»—Е. Семчевская.

**) М. К. Дитерихс—«Убийство царской семьи», стр. 376.

старый офицер, бывш. флигель-ад'ютант Ив. Ив. Сидоров, с целью освобождения царской семьи.

В Екатеринбурге он сошелся с доктором Деревенько, которому разрешалось бывать у больного Алексея в «доме особого назначения». Через Деревенько он наладил снабжение Романовых продуктами и обмен письмами.

Белогвардейские организаторы действовали довольно открыто. Пользуясь поддержкой осмелевшей, в связи с близостью фронта, буржуазии, они готовились в удобный момент поднять в городе восстание, с целью освобождения Романовых из Ипатьевского дома. Успех такой попытки не был исключен. В это время в Екатеринбурге находилась переброшенная из центра Военная Академия Генерального Штаба, слушатели которой состояли исключительно из бывш. офицеров, представлявших готовую организационную силу для антисоветских выступлений.

Все же Областной Чрезвычайной Комиссии удалось напасть на след этих организаций, и некоторые из активных белогвардейцев были арестованы.

Среди других лиц, имевших близкое касательство к семье Романовых, были арестованы: некий майор сербской службы Мигич, фельдфебель Божечич и Смирнов—управляющий делами сербской королевны Елены Петровны—жены быв. вел. кн. Ивана Константиновича, также высланной в Екатеринбург. Эти лица явились в Областной Совет, как делегаты сербского посланника Спалайковича, сначала, чтобы узнать у Николая Романова его мнение по вопросу об окончании войны, а затем, когда Совет в этом им категорически отказал, выступили с ходатайством о разрешении бывш. княгине Елене Сербской выехать в Петроград, на что, будто бы, имеется разрешение центральной власти. По справкам, наведенным Областным Советом в Москве и Петрограде, оказалось, что просьбу сербского посланника Спалайковича о разрешении Елене Романовой от'езда в Петроград президиум ВЦИК отклонил. Было установлено, что указанная «сербская миссия»

находилась в тесной связи с монархическими организациями, обосновавшимися в Екатеринбурге.

Чтобы хоть несколько разгрузить Екатеринбург от вдохновителей монархических организаций, по постановлению Областного Совета, отправлены были в гор. Алапаевск все члены семьи Романовых, жившие на квартирах и в гостиницах.

Но этим еще не устранялась опасность контр-революционных выступлений.

С приближением фронта и отступлением Красной армии, все смелее делаются попытки монархистов связаться с заключенными в «доме особого назначения».

В «приношениях» монашек местного монастыря часто попадаются записки не «монастырского» происхождения. В передаче их «доброжелатели» Романовых весьма изощряются. Помимо записок в хлебе, на пакетах и оберточной бумаге, обнаружена была записка даже в пробке бутылки с молоком.

«Час освобождения приближается, и дни узурпаторов сочтены,—пишут «друзья» в одной записке.—Славянские армии все более и более приближаются к Екатеринбургу. Они в нескольких верстах от города. Момент становится критическим. Этот момент наступил, надо действовать».

«Друзья,—читаем в другой записке,—более не спят и надеются, что час, столь долгожданный, настал...»

В московских газетах в свое время были опубликованы некоторые документы, подтверждающие о существовании плана похищения Романовых из Ипатьевского дома.

Дитерихс в своей книге приводит два характерных письма, указывающих на существование такого плана *).

Анонимный корреспондент, обменявшийся письмами с Романовыми, пишет: «С божьей помощью и с вашим

*) М. К. Дитерихс — «Убийство царской семьи», стр. 58.

хладнокровием надеемся достичь нашей цели, не рискуя ничем. Необходимо расклеить одно из ваших окон, чтобы вы могли его открыть; я прошу точно указать мне окно. В случае, если маленький царевич не может итти, дело сильно осложнится, но мы и это взвесили, и я не считаю это непреодолимым препятствием. Напишите точно, нужны ли два человека, чтобы его нести, и не возьмет ли это на себя кто-нибудь из вас. Нельзя ли было бы на 1 или 2 часа на это время усыпить «маленького» каким-нибудь наркотином. Пусть решит это доктор, только надо вам точно предвидеть время. Мы доставим все нужное. Будьте спокойны. Мы не предпримем ничего, не будучи совершенно уверены в удаче заранее. Даем вам в этом торжественное обещание перед лицом бога, истории, перед собственной совестью». Письмо подписано: «Офицер».

С своей стороны и Романовы дают «информацию» о положении внутри дома.

Дитерихс там же публикует текст письма, написанного Николаем «на волю».

«Второе окно от угла, выходящего на площадь, стоит открыто уже два дня и даже по ночам. Окна 7-е и 8-е около главного входа, тоже выходящие на площадь, точно также всегда открыты. Комната занята комендантом и его помощниками, которые составляют в данный момент внутреннюю охрану. Их 13 человек, вооруженных ружьями, револьверами и бомбами. Ни в одной двери, за исключением нашей, нет ключей. Комендант и его помощники входят к нам, когда хотят. Дежурный делает обход дома ночью два раза в час, и мы слышим, как он под нашими окнами бряцает оружием. На балконе стоит один пулемет, а над балконом—другой, на случай тревоги. Напротив наших окон на той стороне улицы помещается стража в маленьком домике. Она состоит из 50-ти человек. Все ключи и ключ № 9 находятся у коменданта, который с нами обращается хорошо. Во всяком случае известите нас, когда представится воз-

можность, и ответьте, можем ли мы взять с собой наших людей. Перед входом всегда стоит автомобиль. От каждого сторожевого поста проведен звонок к коменданту и провода в помещение охраны и другие пункты. Если наши люди останутся, то можно ли быть уверенным, что с ними ничего не случится».

Романовы живут мыслью о скором освобождении. Сам Николай пытался отправить письмо в конверте с цветной подкладкой. Конверт был заподозрен, и когда подкладка была отклеена, под ней нашли план верхнего этажа «дома особого назначения» с подробным обозначением комнат и указанием их обитателей.

В угловой комнате, отдаленной от охраны, часто происходили какие-то совещания. Обычно в таких случаях семья высылала в коридор Марию или Татьяну, которые и сидели на сундуке, занимаясь рукоделием. При появлении кого-либо из охраны они вставали и быстро уходили в комнаты.

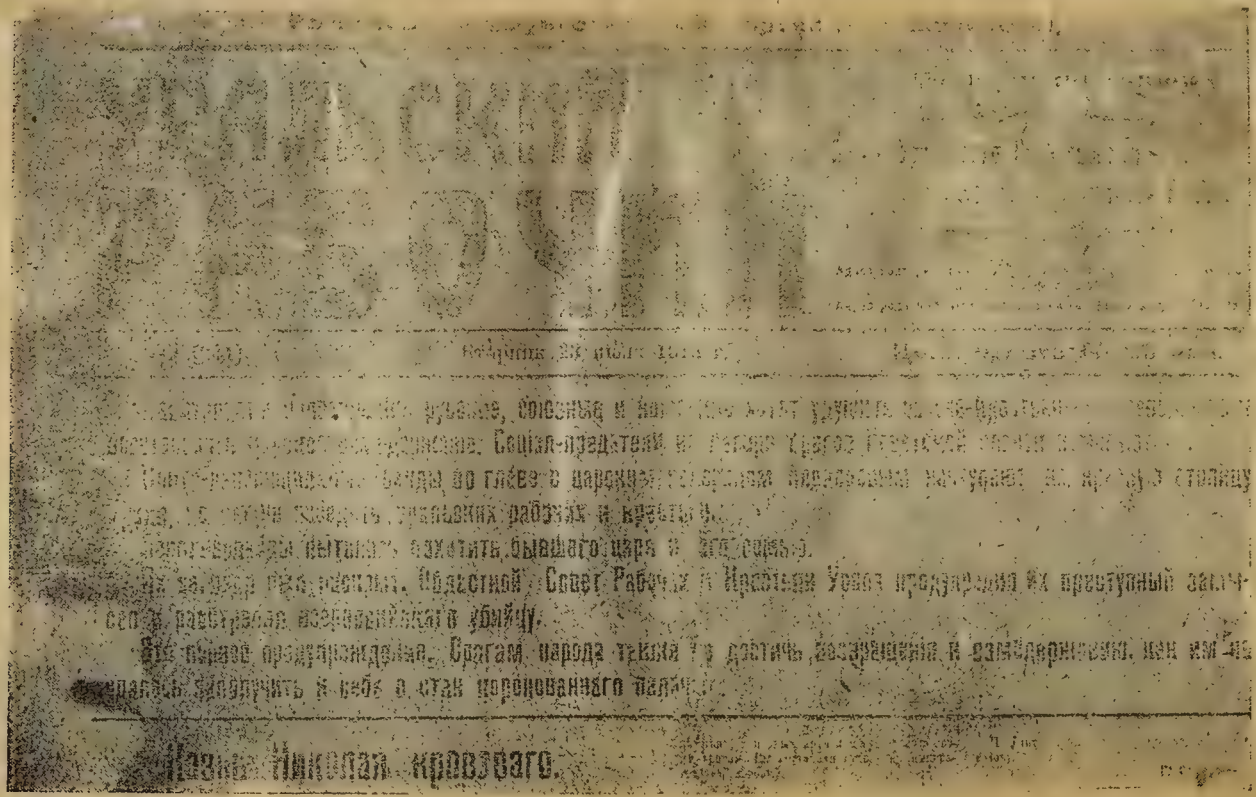
Заключенным запрещено было вставать на окна, чтобы предупредить возможность сигнализации. Это распоряжение, однако, нарушалось, и старшая дочь бывш. царя, Татьяна, однажды даже высунулась в форточку окна, видимую с соседней улицы. Часовой наружной охраны, увидевший это, немедленно выстрелил... После этого случая семья стала исполнять приказы более точно.

Внутри дома заключенные принимали все меры к тому, чтобы расположить к себе охрану. Большей частью «адвокатом» Романовых был доктор Б[illegible]кин, часто приходивший в комнату коменданта и пытавшийся ловкими разговорами выведать положение Романовых и отношение к их судьбе Областного Совета и центральной власти. Из семьи Романовых большую активность в этом деле проявляла Мария, при каждом удобном случае кокетничавшая с солдатами охраны.

Все это заставило в начале июля Областной Совет назначить комендантом члена президиума Областной Чрезвычайной Комиссии Я. М. Юровского и помощником его

БОЛОТО, ВБЛИЗИ ДЕРЕВНИ КОПТЯКИ, В КОТОРОМ БЫЛИ ЗАРЫТЫ ОСТАТКИ ТРУПОВ Б. ЦАРСКОЙ СЕМЬИ.

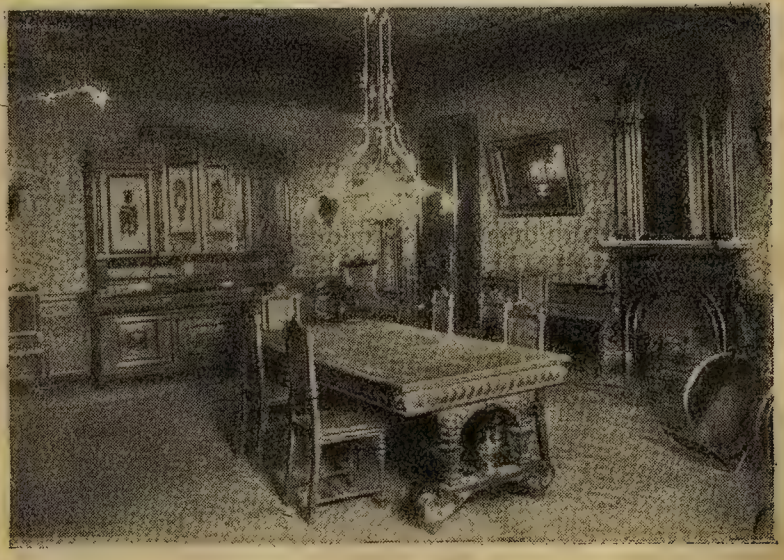
ОДНА ИЗ ЗАБРОШЕННЫХ ШАХТ ВО ВРЕМЯ РАЗРАБОТКИ ЕЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ ВЕСНОЙ 1919 Г., В ПОИСКАХ ТРУПОВ Б. ЦАРСКОЙ СЕМЬИ.



НОМЕР «УРАЛЬСКОГО РАБОЧЕГО» ОТ 23 ИЮЛЯ 1918 Г. С ИЗВЕЩЕНИЕМ О РАССТРЕЛЕ НИКОЛАЯ II

КОМНАТА, В КОТОРОЙ БЫЛ ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОР НАД Б. ЦАРСКОЙ СЕМЬЕЙ.

КОМНАТА НИКОЛАЯ II, ЕГО ЖЕНЫ И ИХ СЫНА АЛЕКСЕЯ В ИПАТЬЕВСКОМ ДОМЕ В СВЕРДЛОВСКЕ.



СТОЛОВАЯ В ИПАТЬЕВСКОМ ДОМЕ.

Г. П. Никулина. В составе отряда охраны также были произведены изменения, и в доме был установлен строгий режим, не допускавший никаких сношений заключенных с городом. У Романовых был произведен поверхностный осмотр вещей и предложено было сдать все драгоценности. Романовы составили опись вещей и сдали ее коменданту, оставив вещи у себя в комнате.

Одновременно с охраной Романовых от покушений со стороны белогвардейцев Областному Совету приходилось охранять Романовых и от другого рода «нападений». Левые эсэры и анархисты екатеринбургской организации, не уверенные в том, что большевики расстреляют бывш. царя, решили принять меры к этому собственными силами. Был разработан план нападения на «дом особого назначения» «боевиками» эсэрами и анархистами, во время которого и предполагали расстрелять Романовых.

Однако, ни это нападение, ни выступление белогвардейцев не осуществилось, если не считать попытку контрреволюционного выступления эвакуированных, которая была немедленно подавлена, и главари ее расстреляны.

ГЛАВА XIII.

Расстрел Николая Романова и его семьи.

По приезде из Москвы Голощекина, числа 12 июля было созвано собрание Областного Совета, на котором был заслушан доклад об отношении центральной власти к расстрелу Романовых.

Областной Совет признал, что суда, как это было намечено Москвой, организовать уже не удастся—фронт был слишком близок, и задержка с судом над Романовыми могла вызвать новые осложнения. Решено было запросить командующего фронтом о том, сколько дней продержится Екатеринбург и каково положение фронта. Военное командование сделало в Областном Совете доклад, из которого видно было, что положение чрезвычайно плохое. Чехи уже обошли Екатеринбург с юга и ведут на него наступление с двух сторон. Силы Красной армии недостаточны, и падения города можно ждать через три дня. В связи с этим Областной Совет решил Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними. Расстрел и уничтожение трупов предложено было произвести комендатуре охраны с помощью нескольких надежных рабочих-коммунистов.

На предварительном совещании в Областном Совете был намечен порядок расстрела и способ уничтожения трупов.

Решение уничтожить трупы было принято в связи с ожидаемой сдачей Екатеринбурга, чтобы не дать в руки контр-революции возможности с «мощами» бывшего царя играть на темноте и невежестве народных масс.

Последнее, как увидим, было весьма предусмотрительно. Белые после занятия Екатеринбурга много времени положили на то, чтобы отыскать «священные тела» членов царской семьи.

Вечером 16-го июля лица, назначенные Областным Советом к исполнению приговора над Романовыми, собрались в комнате коменданта в «доме особого назначения». Комнаты верхнего этажа, где жила семья, были признаны неудобными для выполнения приговора. Решено было перевести семью вниз в одну из полуподвальных комнат и там привести приговор в исполнение. До самого расстрела Романовы не узнали о состоявшемся постановлении об их казни.

Около 12 часов ночи того же дня им было предложено одеться и сойти в нижние комнаты; чтобы не возбудить у них подозрения, было об'яснено, что эта мера вызвана, якобы, предполагающимся в эту ночь нападением белогвардейцев на дом Ипатьева. С той же целью было предложено перейти вниз и остальным обитателям Ипатьевского дома. Мальчика Леонида Седнева, 11 лет, из предосторожности еще накануне взяли из Ипатьевского дома, поместив в доме напротив, где помещалась охрана.

Когда все они были переведены в нижний этаж, в намеченную для исполнения приговора комнату, им было об'явлено постановление Уральского Областного Совета. После чего тут же все 11 человек: Николай Романов, его жена, сын, четыре дочери и четверо приближенных— были расстреляны.

Таким образом, в ночь на 17 июля семьи Романовых не стало.

После расстрела трупы были перенесены в одеялах во двор дома и уложены в грузовой автомобиль. По заранее намеченному пути автомобиль выехал из города через пригородное селение, Верх-Исетский завод,

на дорогу, ведущую в деревню Коптяки. На половине этой дороги, верстах в 8-ми от города, находится урочище «Четыре Брата», получившее название от росших здесь раньше четырех больших сосен. Влево от дороги, в этом же районе, находятся старые заброшенные шахты, служившие когда-то для выработки железной руды. Район этот носит название «Ганиной ямы», по имени небольшого прудка, находящегося в центре выработок. Сюда по лесной дорожке, свернув с Коптяковской дороги, и были привезены трупы Романовых. Временно их сложили в один из шурфов, а на следующий день было приступлено к их уничтожению.

На трупах Александры и дочерей обнаружили много драгоценностей—золота и бриллиантов, зашитых в одежде, главным образом, в лифы дочерей Романовых, бриллианты—в пуговицах платья и т. д. Вся одежда была тщательно просмотрена, и все ценные вещи собраны.

18-го июля днем с «похоронами» было закончено и настолько основательно, что впоследствии белые, в течение двух лет производя специальные раскопки в этом районе, не могли найти могилы Романовых.

После приведения в исполнение приговора Областной Совет командировал в Москву Голощекина и Юровского, которые и увезли с собой наиболее ценные вещи, взятые у Романовых, переписку их, дневники и все материалы, давшие основания Уралсовету расстрелять бывш. царя и его семью.

На состоявшемся 18-го июля заседании президиума ВЦИК председатель его Я. М. Свердлов сообщил полученную по прямому проводу телеграмму о расстреле бывшего царя. Президиум ВЦИК, обсудив все обстоятельства, заставившие Областной Уральский Совет принять решение о расстреле Николая Романова, постановил признать решение и действия Уралсовета правильными. В тот же вечер сообщение о расстреле сделано было и на заседании Совета Народных Комиссаров.

«При обсуждении проекта о здравоохранении, во время доклада тов. Семашко, вошел Свердлов и сел на свое место, на стул позади Ильича. Семашко кончил. Свердлов подошел, наклонился к Ильичу и что-то сказал.

— Товарищ Свердлов просит слова для сообщения.

— Я должен сказать,—начал Свердлов обычным своим ровным тоном,—получено сообщение, что в Екатеринбурге, по постановлению Областного Совета, расстрелян Николай. Николай хотел бежать. Чехо-словаки подступали. Президиум ВЦИК'а постановил одобрить.

Молчание всех.

— Перейдем теперь к постатейному чтению проекта,— предложил Ильич.

Началось постатейное чтение» *).

19 июля Советом Народных Комиссаров был опубликован декрет о конфискации имущества Николая Романова и членов бывшего императорского дома. Под последними подразумевались лица, внесенные в родословную книгу бывш. императорского двора: бывш. наследник цесаревич, бывшие великие князья, великие княгини, великие княжны, бывш. князья, княгини, княжны императорской крови. Все их имущество было об'явлено достоянием Советской республики.

О расстреле Романовых в Екатеринбурге официально было опубликовано 22-го июля. Накануне об этом было сделано сообщение на рабочем митинге в городском театре, встреченное бурным выражением восторга.

Митингом была принята резолюция, в которой говорилось:

«Казнь Николая Кровавого служит ответом и грозным предостережением буржуазно-монархической контрреволюции, пытающейся затопить в крови рабоче-крестьянскую революцию.

«Все враги трудового народа об'единились под знаменем восстановления буржуазно-помещичьего самодержавия.

*) В. Милютин—«Страницы из дневника». «Прожектор», 1924 г., № 4

«Весь трудовой народ об'единен под знаменем социалистической советской республики. Борьба между ними идет не на жизнь, а на смерть, и все, кто сейчас не идет с борющимся за свое существование народом, все они—в стане врагов народа. Собрание призывает всех, кому дороги завоевания революции,—в ряды борцов за социальное освобождение трудящихся.

«Да здравствует Советская власть!

«Да здравствует международная рабочая революция!» *).

*) Газ. «Уральский Рабочий», от 23 июля 1918 г., № 144/241.

ГЛАВА XIV.

Расстрел бывших великих князей.

На Урале нашли себе могилу и другие члены династии Романовых. В Перми был расстрелян брат Николая, Михаил Александрович Романов.

С марта 1917 г. он со своей семьей жил в Гатчине. Только через год, в связи с движением монархистов в его пользу, в феврале 1918 г. он был, по настоянию Петроградского Совета, арестован и вместе со своим секретарем Н. Джонсоном отправлен в Пермь. В сопроводительном документе на имя Пермского Совета указано было, что Михаил Романов высылается в Пермь под ответственность и наблюдение Совета, при чем предлагалось не чинить Михаилу Романову особых стеснений. Однако, Пермский Совет не решился сразу освободить его и держал под арестом в номерах бывш. «Благородного собрания». Михаил Романов протестовал против ареста и настаивал на освобождении его, ссылаясь на постановление об этом Петрограда. Между тем на заседаниях Горсовета и на рабочих собраниях, особенно в Мотовилихинском заводе, по инициативе самих рабочих, неоднократно ставился вопрос о необходимости расстрела Михаила Романова, чтобы этим раз навсегда отбить у монархистов желание охотиться за кандидатом на царский престол.

Несмотря на попытки руководящих организаций бороться с этим течением, собрания выносили резолюции об уничтожении Романовых.

Учитывая опасность свободного проживания в Перми и возможность безответственных выступлений, Пермский Совет предлагал Михаилу перевести его в специально отремонтированное помещение тюремной больницы.

Романов обратился с жалобой в Совнарком и Всероссийскую Чрезвычайную комиссию. В ответ на эту жалобу Пермским Советом было получено, за подписью управделами Совнаркома Бонч-Бруевича, предложение освободить Михаила Романова под надзор Совета и, за подписью Урицкого, разрешение Романову свободного жительства в Перми. Тогда Романову указано было представителями исполкома, что он освобождается без всякой гарантии, и Совет не берет на себя ответственности за могущие произойти события.

Освобожденный от ареста Романов со своим секретарем Джонсоном, камердинером Челышевым и шоффером Боруновым поселился на Сибирской улице, — одной из главных улиц Перми, — вблизи реки Камы, в лучших «Королевских» номерах.

Первоначально за ним был установлен гласный надзор милиции, а затем, когда исполком снесся с центром и, указывая на создавшееся положение, снял с себя ответственность за «целость» Романова, по предложению Петрограда, надзор был поручен Губ. Чрезвычайной Комиссии, куда Михаил и ходил для «отметки» в установленные дни.

Живя на «свободе», Михаил Романов был тесно связан со своими друзьями и родственниками, и между Пермью и Петроградом существовала постоянная связь. Жена Михаила — графиня Брасова в мае приезжала в Пермь и затем поехала в Москву, где, по словам Р. Вильтона *), видилась с В. И. Лениным и ходатайствовала о разрешении своему мужу выезда за границу. В этом ей, конечно, было отказано. Впоследствии Брасова была арестована, но ей удалось бежать за границу.

*) Р. Вильтон, стр. 94

Между тем, под влиянием требований рабочих Перми и Мотовилихи о расстреле Михаила Романова, образовалась тайная группа, поставившая себе целью его убить. В нее входили: председатель Мотовилихинского Совета Г. И. Мясников, рабочие: А. Марков, Иванченко, Н. Жужков и И. Колпашников. Группа эта не была связана ни с партийными, ни с советскими организациями и действовала в большой тайне на «собственный страх и риск».

В ночь с 12 на 13 июня эта группа явилась с подложными документами Губчека в гостиницу. Михаил Романов в это время уже спал. Его разбудили и пред'явили документ о срочном выезде из Перми. Романов отнесся недоверчиво к заявлению и отказался следовать за ними, требуя вызвать врача и председателя Чрезвычайной Комиссии Малкова. Тогда пришедшие об'явили, что они увезут его силой. Секретарь бывш. великаго князя Джонсон заявил, что он также последует за своим «господином». Хотя Джонсон в планы группы не входил, однако, чтобы не задерживаться в номерах, решено было взять и его. Обоих «арестованных» посадили в заранее приготовленные фаэтоны и повезли за город, по направлению к Мотовилихе по тракту. Проехав керосиновые склады Нобеля, находившиеся в 6 верстах от Мотовилихи, они свернули в лес направо, где и расстреляли Михаила Романова. После этого, чтобы скрыть следы, одним из участников было сообщено по телефону в милицию и Губ. Чрезвычайную Комиссию, что ночью в «Королевские» номера явились какие-то неизвестные лица и увезли Михаила Романова по направлению Сибирского тракта.

Похищение это было полной неожиданностью для всех организаций Перми. Немедленно была организована погоня, которая, однако, направилась по ложному пути и никаких следов найти не могла. Вместе с тем были даны телеграммы в Петроград и по всем направлениям от Перми о побеге Михаила Романова.

Некоторое время пермские организации были в неведении об истинной подкладке событий и лишь спустя некоторое время из слухов, пошедших с низов, им удалось узнать настоящее положение Романова.

После проверки этих слухов и опроса предполагаемых участников расстрела выяснилось, что Михаил Романов действительно расстрелян, о чем и было опубликовано в газетах.

Надвинувшиеся военные события на Урале, расстрел всей царской семьи в Екатеринбурге еще меньше остановили внимание трудящихся Урала на смерти этого отпрыска династии.

Спустя месяц окончили свою жизнь и члены романовского дома, высланные в мае в Алапаевск.

Алапаевск — небольшой городок по линии ж.-д. Ирбит—Н.-Тагил—раньше был заштатным городом Пермской губ., теперь окружной центр. Как место ссылки для бывших членов семьи Романовых, Алапаевск был выбран удачно: город находится в стороне, на железной дороге, и, как рабочий центр, считался одним из наиболее надежных.

Первоначально, когда решался вопрос о переводе Романова на Урал, местом заключения его намечался Алапаевск, для чего и было уже подыскано там подходящее помещение, но впоследствии, в связи с близостью фронта, решено было старших Романовых оставить в Екатеринбурге.

Впоследствии Алапаевск был использован Уралсоветом для заключения великих князей. 20 мая 1918 г. были туда привезены бывш. вел. княгиня Елизавета Федоровна, бывш. вел. кн. Сергей Михайлович, Елена, бывш. сербская королевна; сыновья бывш. вел. кн. Константина Константиновича — Иван, Игорь и Константин и Владимир Палей, сын бывш. велик. князя Павла Александровича. Всех их поместили в новом каменном здании так наз. «Напольной школы», расположенной на окрайне завода; здание было в спешном порядке оборудовано под жилье.

Первое время Романовы в Алапаевске жили довольно свободно. Ходили одни, без охраны, в церковь, совершали прогулки в поле близ «школы» и т. д. Но здесь, как и в других местах, вокруг них скоро сплотилась тесная группа друзей, в изобилии приносивших князьям и богомольной княгине доброхотные даяния, цветы, продукты и свои сочувствия. С другой стороны, рабочие массы Алапаевска, считаясь с угрозами контр-революции, выразившимися в восстании автомобилистов в Невьянском заводе, вблизи Алапаевска, и вообще с развитием операций на восточном фронте, настаивали или на заключении Романовых в Алапаевске под стражу, или на уничтожении их. Как раз в это время произошел увоз в Перми Михаила, и Уралсовет предложил Алапаевскому Совету установить более строгий надзор за Романовыми в целях предупреждения побега.

С 21 июня Алапаевский исполком, с согласия Уралсовета, установил для Романовых тюремный режим: после этого была прекращена передача с воли; запрещены всякие прогулки вне школьной ограды; удалены от заключенных все посторонние и только при Елизавете Федоровне была оставлена монахиня Яковлева и при Сергее Михайловиче—служащий Ремез.

Происшедшая перемена сильно взволновала алапаевских заключенных, они решили просить Уралсовет о снятии тюремного режима.

21 июня бывш. в. к. Сергей Михайлович, от имени своих родственников, находящихся в Алапаевске, телеграфировал: «Екатеринбург Председателю Областного Совета. По распоряжению Областного Совета мы с сегодняшнего дня находимся под тюремным режимом... Не зная за собой никакой вины, ходатайствуем о снятии с нас тюремного режима».

В ответ была получена телеграмма на имя алапаевского комиссара юстиции Соловьева: «Об'явите Сергею

Романову, что заключение является предупредительной мерой против побега, в виду исчезновения Михаила из Перми. Белобородов» *).

С приближением фронта и в связи с необходимостью посылки всех сил туда, руководители алапаевской организации, учитывая требование масс, решили Романовых расстрелять.

Это было приведено в исполнение в ночь с 17-го на 18-е июля 1918 г. Трупы казненных были брошены в глубокую шахту в 11 верстах от Алапаевска, вблизи Верхне-Синячихинского завода.

Расстрелом Романовых на Урале закончился первый период Советской власти.

---

*) Н. Соколов — «Убийство царской семьи», стр. 259.

ГЛАВА XV.

В поисках Романовых.

25-го июля, утром, Екатеринбург был занят белыми. Вступив в город, офицерство немедленно бросилось к Ипатьевскому дому искать трупы б. царя и его семьи.

Военные власти немедленно решили организовать следствие «об убиении царя», для чего ими была образована особая комиссия офицеров академии генерального штаба, под председательством полковника Шереховского, с судебным следователем Наметкиным.

30 июля, т. е. через полторы недели после расстрела, началось судебное расследование.

Не зная, кто из царской семьи уничтожен, комиссия искала, главным образом, труп Николая Романова. По городу были распространены самые разнообразные слухи о конце Романовых. Говорили, что бывшего царя закопали в саду дома Ипатьева,—по распоряжению особой комиссии перерыли весь садик; кто-то сообщил, что Романова расстреляли в лесу за ст. Екатеринбург 2-й,—и долго рыли землю в лесу за станцией; неводами и баграми были обшарены городской и Верх-Исетский пруды, куда, по предположению, были брошены трупы; раскопано было несколько могил на кладбище, но все поиски никаких результатов не дали.

Только утром 27 июля в контр-разведку явился поручик Шереметьевский, скрывавшийся при красных в деревне Коптяках, и дал сведения о том, что большевиками в лесу, в районе «Ганиной Ямы», перед отступлением сжигались трупы, судя по оставшимся обгорелым вещам, принадлежавшие членам бывшей царской семьи.

Два лета—1918 и 1919 г. г.—в этом районе откачивалась вода из шахт, перерывались окрестности в поисках «священных останков».

Останков романовской семьи найти не удалось, и следствие, на основании слухов, случайных документов и умозаключений следователей, выводило одну версию за другой, версию возможного «спасения» Романовых.

Особенно приятной для монархических сердец была версия, которую поддерживал начальник уголовного розыска в Екатеринбурге Кирста,—о том, что вся семья бежала из Екатеринбурга, переодевшись авиаторами, а взамен ее большевики расстреляли других людей. Когда это нелепое предположение было опровергнуто, серьезным образом стали «работать» над вопросом о возможности увоза Романовых большевиками. Эта версия наиболее заинтересовала следователей. В руки их попала телеграмма, говорящая об отправке особо-секретного поезда, с которым были вывезены банковые ценности из Екатеринбурга. Решили, что этот поезд вез не ценности, а семью бывш. царя. Нашлись многочисленные свидетели, которые «своими глазами» видели, как Николая везли на вокзал закованного в кандалы, вталкивали в вагон и пр.

Однако, данные следствия говорили, что Романовы были расстреляны и никуда не уезжали.

Очень много говорилось об отсутствии трупов, несмотря на тщательнейшие розыски. Но найти могилу Романовых не удалось, потому что остатки трупов после сожжения были увезены от шахт на значительное расстояние и зарыты в болоте, в районе, где добровольцы и следователи раскопок не производили. Там трупы и сгнили благополучно.

17 января 1919 года к ведению следствия были привлечены новые лица, при чем общее руководство ими Колчак поручил генералу М. К. Дитерихсу. Главным следователем был назначен Н. Соколов, монархист, бежавший от большевиков из Саратова.

По делу об «убийстве отрекшегося от престола государя императора Николая Александровича и членов его семьи» следователь Соколов считает необходимым привлечь в качестве обвиняемых 164 человека, находящихся по другую сторону фронта, в отношении которых по всему фронту дается особый приказ, «дабы жизнь всех указанных лиц была сохранена, и они, по их задержании, были бы препровождены в тыл...»

К работе на шахтах был привлечен инженер Котнев, который с помощью катерной паровой машины и откачивал воду из наиболее «подозрительных» шахт. Всего было осмотрено 29 шахт, но нашли только разную мелочь.

В результате следствия, путем опроса попавших в руки белогвардейцев лиц, так или иначе причастных к расстрелу бывш. царской семьи, была установлена несомненность расстрела всей царской семьи.

Установив это, монархисты собрали все вещи и пепел, найденные в районе шахт и в Ипатьевском доме, и, как «наследство», отвезли их в Англию, другу и родственнику Романовых—английскому королю.

Белогвардейцы жестоко расправлялись с уральскими рабочими и крестьянами. Тысячи их, погибшие от шомполов и пуль пьяной офицерщины в тюрьмах и застенках Екатеринбурга, Перми и других городов Урала, заплатили своей жизнью за расстрел Романовых.

Жестоко расправились, после пыток, белые бандиты и с теми немногими, которые были причастны к расстрелу. Погиб член Областного Совета эсэр доктор Сакович, оставшийся в Екатеринбурге в надежде на защиту Учредилки; погиб рабочий П. Медведев, участвовавший в расстреле Романовых. По данным, сообщаемым Дитерихсом и Вильтоном, они умерли самым «мирным» образом—Сакович в омской тюрьме от скоротечной чахотки, а Медведев в екатеринбургской тюрьме от тифа; но тюремные застенки, видевшие смерть этих жертв колчаковщины, говорят иное...

Следствие по делу о расстреле остальных членов семьи Романовых не нашло трупа и Михаила Романова. Были найдены лишь трупы князей, расстрелянных в Алапаевске. Торжественно похоронены были эти «жертвы» в склепе под Алапаевским собором. При наступлении красных «драгоценные тела» были под большим секретом вывезены из Алапаевска каким-то игуменом Серафимом... и перевезены в Пекин, а впоследствии гробы бывш. вел. кн. Елизаветы Федоровны и ее монахини вновь были откопаны и вывезены в Иерусалим, где торжественно похоронены уже в конце января 1921 г. *).

За расстрел этой группы семьи Романовых жестоко поплатились рабочие и крестьяне Алапаевска. Достаточно сказать, что одна из шахт около д. Алапаевки была забросана трупами расстрелянных крестьян на целых четыре сажени высоты.

Волна белого террора широко прокатилась по Уралу, и работа монархистов открыла глаза многим трудящимся Урала на истинные цели колчаковских банд. Многочисленные восстания в тылу белых, массовый переход мобилизованных Колчаком рабочих и крестьян Урала в Красную армию — помогли Советской власти летом 1919 года нанести решительный удар колчаковским бандам и добить их в лесах Сибири.

Адмирал Колчак, верховный правитель, пытавшийся было стать новым самодержцем России, брошенный и союзниками, и своими «именными» офицерскими полками, волею восставших сибирских рабочих кончил свою жизнь в Иркутске, уйдя в могилу той же дорогой, по которой ушли туда Романовы на Урале.

Своей победой над последними защитниками монархизма трудящаяся Россия еще глубже вогнала осиновый кол в могилу династии Романовых, и какие бы меры ни принимали оставшиеся в живых охвостья этого дома за границей, покойника из могилы не воротить.

---

*) Журнал «Двуглавый орел», Берлин, 1921 г., вып. 6.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Вместо предисловия.—*А. Таняев.*	3
1. Накануне переворота	17
2. Свержение самодержавия	25
3. Арест Романовых	38
4. В старом гнезде	46
5. В тобольском заключении	55
6. Гермогеновщина	64
7. Тобольское заключение после Октябрьского переворота	71
8. Надежды на освобождение	79
9. Советский Урал	86
10. Мимо Урала нет пути	92
11. В столице Урала	102
12. Последние дни Романовых	106
13. Расстрел Николая Романова и его семьи	114
14. Расстрел бывших великих князей	119
15. В поисках Романовых	125

БЫВШ. ГУБЕРНАТОРСКИЙ ДОМ В ТОБОЛЬСКЕ, В КОТОРОМ СОДЕРЖАЛАСЬ ПОД АРЕСТОМ СЕМЬЯ НИКОЛАЯ II.

ДОМ КУПЦА КОРНИЛОВА, В КОТОРОМ ПОМЕЩАЛАСЬ ОХРАНА Б. ЦАРСКОЙ СЕМЬИ.

ОКТЯБРЬ.

Крупчатка 5п. 10ф.

Ржаная

Масло 1/2

Соль 1

Свѣчи

Сахаръ

Мыло

Крупа

Овесъ

ПРАВИЛА:

1) Владѣлецъ карточки получаетъ продукты только при предъявленіи ея, въ Городской лавкѣ, или лавкѣ кооператива „Самосознаніе".

2) Въ случаѣ утраты карточки владѣлецъ лишается права на полученіе дубликата, если официальными данными не доказетъ утрату.

3) Нормы выдачи продуктовъ и цѣны вывѣшены въ лавкахъ.

4) Передача карточки другому лицу воспрещается.

Тоб. Город. Продов. Ком.

Продовольственная карточка

№ 57.

Фамилія Романовъ

Имя Николай

Отчество Александровичъ

Званіе Экс-Императоръ

Улица „Свобода"

№ дома

Составъ семьи 4 чел.

Подпись выдавшаго карточку

Председатель Комитета [illegible]

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ КАРТОЧКА, ВЫДАННАЯ НИКОЛАЮ РОМАНОВУ ТОБОЛЬСКИМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ хранится в (Уралоблистпарте).